

Александр Холин

ОСЛИНАЯ ШУРА

Александр Холин

Ослиная Шура

«Автор»

2014

Холин А. В.

Ослиная Шура / А. В. Холин — «Автор», 2014

Художница, наше время, богемная жизнь. Героиня случайно в Москве знакомится с монахом, бывшим в миру тоже художником. До этого героиню соблазнил один из давнишних знакомых предложением написать портрет Сатаны. Надо отвечать за дела свои. Но художница готова к покаянию. Она едет в мужской монастырь на Валаам, где обучается иконописи. Пишет образ «Богородица, воскрешающая Русь». После этого получает благословение Свыше на посещение центра земли, то есть царства Десяти Городов в том времени, когда насельники города Аркаима были ещё живы. Те пытаются передать девушке какие-то знания для будущих поколений, но она по глупости не сумела выслушать то, что должна была рассказать своим современникам. С иконой «Богородица, Воскрешающая Русь» Шура отправляется в Дивеево, где её убивает бывший любовник Роберт, получивший от неё в подарок дьявольский портрет. Художница ушла, но как покаяние оставила икону «Богородица, воскрешающая Русь».

© Холин А. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Холин

Ослиная Шура

(мистико-мегалитический роман)

*Недалеко уж этот срок
и эта вечности дорога...
Припомни мудрый тот урок:
«Познай себя – познаешь Бога».
Познай откуда ты и кто,
Зачем пришёл, куда идёшь;
Что ты велик – и ты ничто,
Что ты бессмертен и умрёшь.*

афонский монах Виталий 1905 г.

*Что же такое православная мистика? Это совершенно
обособленный духовный воздух, атмосфера Божественного мира,
сверхчувственное и сверхразумное постижение его.*

Александр Трапезников

*Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть
воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая
размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использо-
вания без письменного разрешения владельца авторских прав.*

Глава 1

– Проклятье!

Автоматические двери супермаркета послушно открывались и закрывались по сигналу фотоэлемента. А тут, то ли сам фотоэлемент проморгал, то ли ещё что, но двери вдруг ни с того ни с сего начали закрываться. Автоматические створки смаху ударили своими резиновыми оборками высокую девушку в тёмных очках и небрежно накинута на неупитанное тело газовой хламиде, расписанной аляповатыми абстракционистскими находками.

– Проклятье! – снова выругалась девушка, потому как ударом её отшвырнуло в сторону прямо на невысокого гладенько-гаденького господина с пузатой бутылкой «Шато-Лезьер Турмалин» и коробкой конфет в руках.

– Осторожней, девушка! – недовольно буркнул мужчина.

– Что не видишь, идиот? Я же не нарочно!

– Во-первых, что я должен видеть? – возмутился мужчина. – А во-вторых, почему вы хамите?!

– Я!? – поперхнулась девушка.

– Вы, вы, – кивнул парень. – Я чуть было бутылку не разбил из-за ваших пируэтов. Она стоит чуть дороже, чем «Жигулёвское».

– Подумаешь, неженка! – девушка приспустила тёмные очки, взглянула поверх, словно строгая училка на нашкодившего первоклашку. – Бутылку французского пойла урвал по случаю! Алкоголикам не место в нашем передовом обществе! Даже распивающим импортные коньяки.

– Послушайте, милочка! – уголки губ чувственного рта мужчины опустились вниз, а припухлые чисто выбритые щеки затрепетали от негодования, как у хомяка, расправляющегося с зерном. Тем более, что своей белой рубашкой, прикрытой клетчатым пиджаком, он живо оттенял свою хомяковскую мордочку, привыкшую к пережёвыванию драгоценных зерновых с раннего детства. – Я с вами брудершафт не пил и детей не крестил. Чего вы хамите?

– Вот детей нам только и не хватало! – снова съязвила девушка. – Да ты, любезный, скорее всего, на это вовсе не способен. Сначала грудь подбери, – она ловко шлёпнула парня по выпирающему брюшку, – а о детях пусть мужички помоложе заботятся.

С этими словами девушка повернулась, и дверь беспрепятственно на этот раз пропустила её в тёплые и густые июльские сумерки. Однако происшествие не осталось незамеченным. Пять-шесть посетителей да кассирша с квадратными то ли с перепоя, то ли с недосыпу глазами в кокетливом накрахмаленном гипюровом колпачке с интересом наблюдали мизансцену, словно стайка зрителей в остросюжетном русском театре.

Парень обескуражено смотрел вслед своей обидчице, потом подхватился, бросился догонять экстравагантную девицу, отправившуюся, судя по всему, на опустевший к этому времени пляж пруда в Крылатском. Единственный на всём пляже фонарный столб, освещающий такую же сиротливую кабинку для переодевания, послужил девушке пристанищем на этот вечер.

Вообще-то тутошний пруд считался самым спортивным на всю Москву, но местные жители Кунцево и Крылатского постоянно пользовались водоёмом совсем не для спортивных целей. Здесь её и догнал давешний незнакомец. Она посмотрела на неожиданного преследователя, удивлённо приподняла бровь, но ничего не сказала.

– Я вот тут подумал..., – промямлил парень.

– Ты ещё и думать, способен? – улыбнулась девушка. – Так сразу это по тебе не очень заметно.

Её преследователь стушевался, беззвучно шевеля губами. Глаза парня случайно воткнулись в плакат, висящий как раз под фонарём, на котором была жизнеспасительная надпись о

категорическом исполнении правил не заплывать за буйки. Что поделать, жива у нас плакатная Россия! А парень, набрав в лёгкие воздуха, как будто перед прыжком в омут, выпалил:

– Давай выпьем, а?

Девушка, забавляясь смущением преследователя, решила всё же сменить свой обезоруживающий цинизм на милость и снова улыбнулась:

– Французский коньяк из горла? А на закуску хвост селёдки?

– Да нет, – возразил парень. – У меня вот конфеты. В общем-то, хоть спиртное из горла, но неплохая закуска.

– Ах, конфеты! Это еще, куда ни шло.

Девушка по-хозяйски взяла бутылку, свернула пробку и, ничуть не смущаясь, сделала несколько глотков прямо из горлышка. Передохнув немножко, мотнув для смелости головой, сделала ещё пару глотков.

– Класс! – резюмировала она, передавая бутылку парню.

Конфеты «Зодиак», послужившие закуской этому пьяному экспромту, заинтересовали девушку: она взяла в руки коробку и, разглядывая астрологические изображения созвездий, отпечатанные золотистой краской по чёрному полю, спросила:

– А у тебя какой Зодиак?

Парень также взял конфету из коробки после глотка коньяка, уже более уверенно глядя на собеседницу, ответил:

– Телец. Знак земли. Так что мужчина хоть куда!

– Телок. Я так и думала, – захохотала девушка. – А звать-то тебя как, Телёнок? Или ты никакого другого имени не имеешь?

– Роберт, – опять смутился тот.

– Телёнок Роби, – подытожила девица, – ну, что ж, подходяще. Будешь моим рыцарем, Роби?

Не дожидаясь ответа, она скинула с себя абстрактную хламиду и предстала перед вконец обалдевшим Телёнком в прекрасном наряде нашей праматери Евы. Причём, даже без фигового листа – вероятно потому, что на этом пляже фиги пока ещё не росли, да и ночь плотным кольцом укутала окраину столицы, так что по непролазной темени и лопухов-то найти было невозможно.

– Пойдём купаться, рыцарь, – снова засмеялась девушка.

Лёгкой походкой, чуть изогнувшись, поправляя на ходу волосы, как умеют это делать исключительно женщины, она отправилась к воде, похожей в столь поздний час на застывший кусок пресноводного обсидиана. Только где-то далеко, на самом дне этого величественного смоляного монумента спрятался недремлющий ведьмин глаз жёлтой луны, не упускающей из своих цепких когтей ни одной души человеческой, обожжённой огнём любовным или поцарапанной страстью неистовой. Девушка с маху кинулась в воду, разбив на миллионы искринок отраженье луны и пустив бурную вспененную волну по спокойному ещё несколько мгновений назад чёрному зеркалу воды.

– Догоняй, рыцарь! – махнула она рукой и поплыла брассом в спешащую навстречу темноту.

Роби начал было снимать рубашку, но потом почему-то передумал купаться и несколько минут стоял в нерешительности. Он снова принялся застёгивать рубашку, но оборвал сразу две пуговицы.

– Тьфу ты, – сплюнул он, – как пацан. Что за дела?

Парень присел под фонарём, уничтожая «смелость» из бутылки и размышляя над случившимся приключением. Где-где, а на Руси добрый молодец, если он действительно добрый, всегда к напитку смелости прибегает, прежде чем... или до того, как... или после, как до того...

Во всяком случае, девица никуда не денется: её единственная одежда лежит неподалёку, растёкшись по песку небольшой тряпочной лужицей, так что... А что? Без одежды не уйдёт? Скорее всего, может удрать и без одежды. Такая авантажная всё может. И он напряжённо пиялился в чёрную воду, ожидая появления новой знакомой, словно Афродиты из около океанской глазури.

Меж тем девушка, вдоволь наплававшись, выбралась на берег, вошла в светлый круг фонаря, послушно осветивший смуглое девичье тело с ещё не успевшими скатиться на песок каплями чистой воды. Краем глаза девушка следила за новым знакомым, причём даже не очень спешила натягивать свою разноцветную хламиду. Что поделать, дамам иногда нравится шокировать мужчин.

Она вытянула из своей сумки большое пушистое полотенце, принялась старательно вытираться, наблюдая в то же время Телёнка. Причём с удовольствием отметила, что нравится ему до безумия. Как это узнают женщины, наверное, навсегда останется тайной за семью печатями.

Тем не менее, Робик был готов. Готов ко всему, что ни попросят. Ну и что? А нужен ли он? В общем-то, вроде не беден и где-то даже чуть красив. Лысина и брюшко не беда – наоборот, свидетельствуют о материальном благе. Остальное можно из него сотворить, слепить, склеить, никуда не денется. Посмотрим. Надо его ещё пару раз на всякий случай шарануть нового поклонника моветонным поведением.

– Роби, а что ты на меня пиялишься, как на что-то до сих пор невиданное и неизведанное? – начала она. – Обнажённых женщин не видел?

– Знаешь, женщины, словно дети малые, – парировал он. – И не удивительно, что мужики иной раз теряются от пристрастия незнакомок к разным необычностям.

Шура кивнула головой – ответ ей явно понравился, поскольку девушка сама считала себя конченным циником и ценила это в других. Правда циничность Шурочки происходила, скорее, от слабости, как банальнейшая форма самозащиты, но признаваться в этом, да ещё себе самой! Нет уж, увольте.

Она повернулась к Телёнку спиной и снова принялась вытираться полотенцем. Потом покошачьи изогнувшись, плеснув волной мокрых волос, которые непроизвольно коснулись щеки Роберта.

– Скажи, нравлюсь я тебе? – снова выпрямилась девица, приняв позу обнажённого манекена.

Мужчина не выдержал откровенного заигрывания: притянул девушку к себе, впился жадным ненасытным поцелуем в губы, пытаясь сломить силу её сопротивления, может, даже притворную.

– Моя! – единственное, что мог прохрипеть он. – И будешь моей. Я тебя никуда не отпущу!

Девушка ловко выскользнула из рук поклонника, подцепила свою хламиду, накинула её и обернулась к Роберту:

– У-у-у, какие у нас глазки! Прямо как у бычка перед любимой красной тряпочкой, – соблазнительница закинула на плечо пляжную сумку и протянула растравленному мужчине руку. – Идём, мой прекрасный рыцарь, твоя Дама Сердца желает поклонения и преклонения. Меня можно проводить до метро или немножко дальше, если хватит смелости. Не возражаешь? Кстати, совсем забыла сказать, меня зовут Александра, Сашенька то есть. Но ты можешь звать меня просто Шурой. Это имя мне нравится.

И она, подхватив Телёнка Роби под руку, потащила его в рассыпающийся многоцветием неоновых огней город к ближайшей станции метро «Молодёжная». Оттуда на метро до дома было ехать всего ничего, а если поймать такси, не больше десяти минут. Для Москвы – это не время. Но девушка любила кататься на метро.

– Похоже, ты не из нашего района? – подняла девушка глаза на нового знакомого. – Или я ошибаюсь?

– Нет, не ошибаешься, – хмыкнул Телёнок. – А что, это имеет какое-то значение?

– Просто я люблю свой район, даже знаю историю Крылатского.

– Историю? Это любопытно.

– Даже очень, – согласилась Шура. – Наше Крылатское когда-то Крылецким именовалось, то бишь, крылечком для забугорных нехристей. И здесь гости дожидались царского благоволения явиться пред светлые очи.

– А ты, похоже, в царском приказе урядником числилась? – весело ухмыльнулся Телёнок. – Или это твоя пра-пра-прапрародительница?

– Может быть и так, а, может, и не очень так, – подхватила девушка. – Кто ж его знает? Во всяком случае, ты как незванный гость ко мне пожаловал. Вот я и думаю: казнить или миловать?!

– Казнить нельзя помиловать! – откликнулся Роби. – Только исключительно без всякой запятой должно быть написано.

– Так и сделаем, – согласилась девушка.

Шурочка жила во втором этаже фешенебельного кирпичного дома, выполненного по особому проекту особого архитектора, о чём любили сообщать случайным посетителям и друг другу окрестные бабушки. Дом находился возле Киевского вокзала, одним боком своим, глядя прямо на торговый концерн «Европейский», что было довольно далеко от Крылатского, и купаться туда она выбиралась не часто.

Шурочка родилась в западном пригороде, когда этот район ещё не считался Москвой, но и не был уже Крылецким для именитых гостей. Девушку сюда привлекала память детства. Сейчас она жила гораздо ближе к центру, только искупаться там было негде. А водоём Крылатского лучше всего подходил для купания и здесь было довольно тихо.

Соседство же торгового центра и не засыпающего вокзала не могло похвастаться тишиной. Наоборот, Торговый Дом «Европейский» занимал всю привокзальную площадь столицы. И это архитектурное изобретение Зураба Церетели сначала покорило соседей-художников, но потом примирило всех, хотя бы тем, что площадь Киевского вокзала становилась значимой, постепенно превращалась в реальный центр Москвы, а, значит, и всей нынешней России.

Правда, оставалось всё так же исторически нетронутой Красная площадь вместе с возлежащей в Мавзолее неприкасаемой мумией, которую земля пока ещё не принимала, но торговля неусыпно отвоёвывала жизненно необходимое важное пространство столицы, неукоснительно превращая Москву в Москвабад, огромный грязный международный рынок.

В результате когда-то красивый уникальный город мира неуклонно становился стандартной перестройкой или перекройкой стандартной современной Европы, которая могла похвастаться только украденными из «непредсказуемой» России мыслями и любопытными изобретениями.

Архитектурные изыски возвращались назад в Россию под неусыпным вниманием венгров, турок и югославов, покупающих у московского мэра «мерские» места для застройки. И столица медленно, но верно превращалась в американизированный строительный шаблон, сверкающий зеркальными слепыми стенами.

А дом, где жила девушка, раньше был всего-навсего дипломным проектом одного из знаковых Шурочки, но воплотить в жизнь дипломный проект – вещь нереальная, если не сказать фантастическая во времена партийной совдепии. И кабы не всемогущий папочка будущего архитектурного светила, лежать бы этому дому по сю пору в чертежах да расчётах. Но дом действительно получился удачным в отличие от заграничных шаблонов.

Две комнаты на разные стороны с обособленной просторной кухней не доставляли хозяйке никакого неудобства. Скорее наоборот: все знакомые, впервые пришедшие в гости к Шуре, отмечали удобство планировки и диковинный уют.

Девушка любила своё жилище, пещеру, замок, асьенду и просто мастерскую:

в зависимости от настроения квартиры каждый раз называлась по-разному. Поэтому убранство жилища всё время менялось, подчиняясь незаурядным выдумкам хозяйки.

Сейчас квартира была помесью джунглей и салона экстравагантного художника.

На самом видном месте стоял мольберт с незаконченной работой, на которую до поры художница накинула обрывок холста. Вероятно, то, над чем она работала, не должно было мешать и отвлекать от других домашних дел.

Прямо посреди залы, не считаясь с лакированным паркетом, вальяжно разместился настоящий берёзовый пенёк. Его обнимала передними лапами шкура бурого медведя: положив свою топыжью шерстяную голову сверху на пенёк, она уставилась бездумными стеклянными глазами в противоположный угол комнаты, где в зарослях китайского бамбука притаился обширный водяной матрац хозяйки – последний писк мебельной моды и Шурочкина гордость.

Стоит обмолвиться, что ещё утром хозяйке матраца приходила в голову крамольная мысль: а выдержит ли импортное водяное чудо русский темперамент сексуальных отношений? И тут как на грех подвернулся Телёнок. Шурочка не то чтобы часто заводила романы и пускала в постель к себе кого ни попадя, но у художников происходит иногда такой бзик. На то они и художники – гламурная¹ богемия или богемная гламурия!

Писатели, например, тоже частенько любят изображать себя художниками. Художниками слова. И наоборот: некоторые художники пускаются в мемуарные рассказы. Когда человек занимается не своим делом, то есть, садится не в свои сани, это не приводит ни к чему, кроме как к очередному возлиянию «за воротник». Именно это происходит довольно часто по случаю презрения к не понимающим и не ценящим творческого гения. И талантливый человек, возмнивший себя гением, опускается до обыкновенного прожигания и пропивания жизни.

Надо сказать, что Алексей Гиляров, позапрошлогодний морганический муж Шурочки, тоже был из числа то ли несостоявшихся художников, то ли непризнанных писателей. Но скорее всего, был ни тем, ни другим. Только считал себя обязанным пропадать в Центральном Доме художника на Крымской набережной с тем, чтобы набираться там умных образов, мыслей, бомондовых связей, но всё это обычно превращалось в обыкновенную сермяжную пьянку с сомнительными знакомствами.

Тем более, что Алёша не был официальным мужем, а так... У Гилярова в жизни всё сходило на «так» и на «авось пронесёт». Он считал, что настоящая семья никогда не скрепляется навсегда красивым чернильным штампом в паспорте. А без венчания или простой гражданской регистрации – это как правило тоже ни к чему настоящему не приводило.

Говорят, что женатые мужчины живут дольше, но это только кажется, потому что у женатых год за два идёт по всемирному стандарту. Вот Алёшенька и берёт себя: ведь любовь, обычно, проходит, а человек, тем более творческий, должен выглядеть!

Чтобы не впадать в панику или депрессию, мужчинский стресс нужно регулярно смывать, то есть обмывать себя до посинения. Этого так называемый муж старался не пропускать. А как-то раз он даже решил – так и быть – прихватить свою подружку на очередное гульбище, вдруг и она приобщится?! Ведь Шурочка тоже хочет выглядеть художницей, а какой из женщины художник, тем более без поисков истины на дне двухсотпятидесятиграммового стакана?! Пусть приобщается к сотоппному причастию. Тем более, в этот раз Алексей собрался посетить не «малину» художников на Крымской набережной, а Центральный Дом Литератора. Этот Дом

---

¹ Гламур (российский сленг) – представительство, элита.

являлся презентабельным местом сборища таких же неординарных личностей как художники или музыканты.

Осенняя Москва улыбалась им тёплым октябрьским солнцем, изредка кружащимися в безветренной амплитуде вечернего города кленовыми листьями и просто приветливыми лицами прохожих. Знаменитое заведение встретило их толпящимся вестибюлем, где среди пузатых колонн, обклеенных афишами, встречались знакомые и незнакомые писатели, заводились нужные и не очень разговоры, знакомства, либо звучал пустой попутный трёп с обсуждением писательских амбиций. Впрочем, всё было как всегда.

Шура прошла со своим временным мужем мимо афишных тумб и в глаза бросилась привлекающая надпись: «Татьяна Визбор. Творческий вечер с участием...» далее более мелким шрифтом значились участники представления. Для встречи с Татьяной на творческом вечере люди поднимались на второй этаж в конференц-зал, а те, кто пограмотнее, спешили в ресторанную мешпуху² или в элитное подвальное кафе.

– Это родственница Юрия Визбора здесь выступает? – поинтересовалась Шурочка.

– Не знаю, – пожал плечами Гиляров. – Вряд ли. Скорее всего, однофамилица. Но звучит классно! Самое отрывное, если эта певица окажется к тому же художницей, поэтессой и композитором в одном лице. Три в одном флаконе – это сейчас так модно, так гламурно!

Вдруг стеклянные двери в конце вестибюльного зала открылись и двое ресторанных вышибал в смокингах вытащили под белы ручки вырывающегося мужчину. Шура так и остолбенела, вцепившись в рукав Алексея. Что-что, а никакого дебоша в таком месте девушка не ожидала увидеть. Ведь Центральный Дом Литераторов – это не какая-нибудь забегаловка! Недаром писателей и журналистов всегда причисляли к касте правительства. А тут охранники применили не дюжую силу и под руки как обожравшегося пивом пацана!

– Я этого гада всё равно пришибу! – закричал хулиган.

– Ба! Никак Трапезников опять набедокурил! – хмыкнул Гиляров. – Ну, этот может! Такого отмочит, мало не покажется!

– Ты его знаешь? – удивилась Шура.

– Кто ж Сашку Трапезникова не знает? – хмыкнул Алексей. – Это один из самых писучих нынешних писарчуков! Кстати, о трагике Трапезникове и юмористе Юрочке Петухове ходят довольно гламурные сплетни. Ты слыхала про очередной пленум Союза Писателей? Нет? Ну, тогда слушай, что здесь происходит из первых рук. Когда шёл последний пленум Союза Писателей, то Саша Трапезников и Юра Петухов оказались здесь же, в ресторане Пёстрого зала за одним столом. Трапезников замогильным голосом говорит Юре Петухову:

– Кранты, старик! Пленум наверху в зале заседаний идёт полным ходом, а нас не пригласили! Забыли!! Не помнят сволочи!!!

На что Юра Петухов, который только выпустил роман, где описывает, как нагло продавали Россию Ухуельцын и Перепутин, усмехнувшись, отвечает:

– Нет, старик, помнят! Поэтому и не пригласили! Боятся нас с тобой, так что давай помянем их, грешных!..

– Я был однажды дома у Александра Трапезникова, – продолжал вспоминать Гиляров. – Захожу, а из прихожей видна ванная, потому что двери открыты настежь. Но в прихожей валялась не одна сотня пустых бутылок из-под шампанского, которое вылило было прямо в ванну. Для чего? А в шампанском какая-то девица в это время купалась. Вот такая у него широкая натура.

Причём, Трапезников пишет довольно неплохие романы, – продолжил Алексей. – Да вот беда, связался он как-то с прохвостом Сибирцевым. Представляешь, тот, после пятого стакана

---

² Мешпуха (еврейско-американский сленг) – гламурная компания.

принялся жену Сашкину ломать. Хорошо Трапезников не опоздал и несмотря, что не драчун, выкинул писателя Сибирцева из квартиры. Хотя Сибирцев такой же писатель, как я Брежнев.

– Как же так?

– Очень просто, – словоохотливо объяснил Гиляров. – Говорят, он вовсе не москвич, а в столицу прибыл под фамилией Братанцева, сменив её более благозвучную Литвинцева. Занимался какими-то довольно тёмными делами. Потом, женившись на москвичке Щербаковой Ольге, взял фамилию новой жены. И, – О! Как это трагично! – закатил глаза Алексей. – О! Как это похоже на родную совдепию! Короче – Ольга не перенесла замужества и покончила с собой. Сплетничают даже, будто бы выбросилась из окна. Все говорили, что любящий муж помог, но ему удалось отвертеться. Он умудрился усыновить мальчика погибшей бывшей жены и замял прямое убийство человека. Конечно, без вручений приличных сумм тут не обошлось, но лучше уж часть денег потерять, чем париться на магаданских нарах. Более того, Щербаков за отдельный взнос куда надо и сколько надо опять сменил фамилию и стал писателем Сибирцевым!

– Писателем?! – округлила глаза Шурочка. – Неужели писателем может стать любой проходимец?!

– Не любой, – ухмыльнулся Алексей. – Но проходимец может. Например, в последнее время московского читателя терроризирует Юрий Поляков. У него все романы пахнут откровенным педофилизмом. И поскольку он главный редактор «Литературки», то печатают и рассылают эту порнографию по библиотекам, дескать, пускай юные читатели осваивают литературу своего поколения. Важно не то, чтобы тебя читали взахлёб, а чтобы издали! Эта догма будет жить в России ещё кособой десяток лет! Одно только радует: в председатели нынешнего Союза Писателей избрали человека неподкупного – Геннадия Иванова. Он на презентации какой-то книги Сибирцева сказал во всеуслышанье, мол, произведение Сибирцева достойно только того, чтобы прочитать и выкинуть, или сжечь! Хотя о книгах Полякова ничего не говорит. Иногда сказанное слово оборачивается иносказанием.

В общем, пойдём в ресторан. Там, наверное, Сибирцева увидим, или ещё кого-нибудь.

Пёстрый зал в ЦДЛ считался исключительно историческим местом: здесь на стене в каком-нибудь пёстром пятне обычной масляной краски можно было наткнуться на классическое написание настоящего классика:

«О, молодые, будьте стойки при виде ресторанной стойки!».

На что в другом пятне молодые, но тоже не менее гениальные, тут же откликались:

«О, старики, держитесь стойко в тисках грядущей перестройки!».

Давно запечатлённые надписи редко возобновлялись или реставрировались, но всё написанное считалось официозом Пёстрого зала. Любопытно, что всё это сохранилось не тронутым при дружном окапитализировании Цэдээловского ресторана. Поэтому Шурочка могла вдоволь любоваться шедеврами советских мыслителей пера и кузнецов человеческих душ, регулярно собирающихся здесь для аванажных возлияний. Вечер в Пёстром зале тогда начался довольно чинно, но пропорционально количеству выпитого проявлялось качество художников слова. Им не надо было чувствовать настоящую сцену под ногами, когда вокруг столько свободных ушей!

Сначала пили всяк в своём углу по интересам, не очень-то досаждая другим. Потом, незаметно для себя и окружающих, художники слова повадились посещать другие столики и публично читать стихи вовсе не для того, чтобы их послушали, а только ради того, чтобы публично выступить и блеснуть на фоне не слишком выдающихся и блестящих.

Несколько столиков писатели сдвинули вместе, организовав тем самым уже не угол, а целый клуб по интересам. На другом конце зала тут же организовали другой клуб с другими интересами и запросами, куда и подсел Гиляров вместе с Шурой. Ещё через какое-то время один из классиков, встав в театральную стойку, выкинул правую руку вперёд, как достопамятный Владимир Ильич Ульянов-Бланк, и провозгласил взбаламутивший всех тост, возопив к литературной братии:

– Мужики! Земля горит! Я вам говорю, жида Рас-сею продали! Всю по частям, я вам говорю!

– Смотри, – шепнул девушке Алексей. – Перед уважаемой публикой выступает тот самый Сергей Сибирцев. Хотя самая первая его фамилия была, наверно, не Литвинцев и не Братанцев, а Литвинзон или Брутерман. Красота!

Из другого клуба по интересам тут же переспросили, усиленно напирая на «р» и активно грассируя:

– Простите, а не подскажете ли, любезный, когда и куда за своей долей зайти можно?

Самое удивительное, что вскоре оба оратора вместе с налижавшимся Гиляровым оказались под одним столом то ли от количества принятого, то ли от творческих поисков залежалой истины, но Шура не стала их беспокоить, подсказывать фабулу советско-еврейского бестселлера. Она просто ушла по-английски. Пусть пишут, на то они и художники... то есть, рисуют, на то они и писатели...

От нечего делать или от настигшей её грусти Шура решила прогуляться по Садовому, зайти на Новый Арбат – на людей посмотреть, себя показать. Идя к Никитским Воротам, девушка, повернув за угол, но с разбегу уткнулась носом в чью-то грудь обтянутую кожаным пиджаком. Мощный обладатель кожаного пиджака ловко прикрыл рот девушки не менее мощной ладонью и затащил в парадное какого-то дома. Всё произошло так быстро, что Шурочка не успела ни сообразить, что к чему, ни крикнуть, ни пискнуть. Даже испугаться не успела.

– Тихо, Татьяна Юрьевна. Тихо, – пророкотал широкоплечий верзила. – Вам ничего не сделают, если будете умницей.

В полутёмном подъезде оказался ещё кто-то. Этот кто-то бесцеремонно облапал пойманную жертву, обшмонал карманы модного женского плаща, а заодно больно ущипнул попу. Шурочка дёрнулась, но в мускулистых руках «кожаного» она была как муха в паутине.

– Тихо, я сказал! – снова рыкнул «горилла». – Не дёргайся. Иначе я за здоровье твоё не ручаюсь.

Шурочка затихла. Она даже сказать нападающим не могла, что бандиты на сей раз, ошиблись, что никакая она не Татьяна Юрьевна.

Следующие пять минут у бандюг пошли на знакомство с дамской сумочкой. Пока кожаный сжимал девушку мощными клешнями, его меньшой собрат выпотрошил сумку на подоконник. Вместе с помадой, духами, пилочкой для ногтей, кошельком и прочей мишурой из сумочки вылетел паспорт. Меньшой брат «гориллы» раскрыл документ, зажёл фонарик, поскольку света от лампочки под потолком не хватало, и через минуту взвизгнул на всё парадное:

– Идиот! Это не дочка Визбора! Её фамилия – Ослиная!..

– Не может быть! – рыкнул кожаный. – Дочка Визбора в этом плаще была. Таких по Москве больше не сыскать...

– Не сыскать? – опять завизжал низкорослый. – Лопух! Глянь паспорт, вонючка! Тебе с такой башкой только навоз в коровнике убирать, а не девок отслеживать! Доверься дураку – сам дураком станешь!

Горилла потянулся одной рукой к документу и Шура, почуяв свободу, успела пустить в ход зубы.

– У-у-у, падла! – зарычал бандит и ударил девушку по голове. – Ты кусаться! Я тебе зубы повыбиваю, сучара!

Кожаный явно не рассчитал силу удара. Жертва его беззвучно и тихонько сползла по стеночке, теряя сознание. Незадачливые бандиты ещё пару минут полагали в сердцах друг на друга и, наконец, вышли из подъезда. Шура тоже недолго оставалась валяться на зачумлённом давно уже немытом полу.

Сознание всё-таки вернулось и она не сразу, но смогла подняться, уцепившись за доску подоконника. Постояла немного, потом, отряхнула бывший когда-то модным плащ, мигом превратившийся в вонючую подъездными амброзиями тряпку, собрала с подоконника потроха сумочки, отметив, что не тронут кошелек, и подалась вон из приветливого полного убийственными приключениями парадного. В больной голове свербело только одно: добраться до дому. Скорей! И – в ванную!

А на утро она вспоминала вечернее приключение, лишь досадливо морщась, и трогая на голове шишку от удара. Надо же! Бандиты перепутали её с дочкой Юрия Визбора! Но кому эта певица так могла насолить, что её вылавливают наёмные проходимцы? Что нападающие были наёмниками, Шура не сомневалась. Иначе не ошиблись бы. Девушка почувствовала себя по-человечески только оказавшись дома. Берлога всегда была для девушки надёжным спасительным таинственным островом.

Наша парочка ввалилась в Шурочкины островные джунгли, весело болтая ни о чём, но с каждой секундой всё более ощущая какую-то возникшую меж ними то ли связь, то ли зависимость. Только сейчас им было недосуг разбираться в нахлынувших, наехавших, навалившихся чувствах, а тем более что-то анализировать. Они были счастливы той безответственной свободой пьяного, безоговорочного пофигиста, когда все дела, ситуации, проблемы не имеют никакого значения. Когда на первое место выступает незримая потаённая страсть ни о чём не думать, напиться, забыться, отдаться, расслабиться, расплыться лужей по паркету.

Именно в такие мгновения человеческой жизни становится драгоценным мимолётный взгляд партнёра, или лёгкое касание, доводящее до сумасбродства. Да мало ли ещё какие проблемы! Важно, что всё это было, присутствовало, чувствовалось. Кто знает, может, как раз в такой момент Нарцисс произнёс свою историческую фразу: «Остановись, мгновенье!». Уже не важно, что влюблён он был только в себя, только в кажущуюся ему неповторимость своей физической оболочки. Но это было! Было! Иначе не было бы исторической фразы.

Экстравагантность квартиры не уступала экстравагантности хозяйки, поэтому Роберт, едва оглядевшись, сумел вымолвить только:

– Ого!

В его устах такое восклицание значило многое. Даже очень. За свою разноцветную жизнь искателя приключений и не безбедного существования на рынке авантюристов крупного масштаба, он повидал многое. И если обстановка Шурочкиного острова произвела на него впечатление, значит, творческий вкус у хозяйки был не ординарен.

Почеловав девушку – надо сказать, что такой способ сближения сердец пришёлся по вкусу обоим, – Роберт прошёл в залу, разглядывая мелкие безделушки, чеканку, небольшие акварельки, развешанные в беспорядке по стенам среди пробегающих по обоям настоящих лиан с лаковыми малахитовыми листьями глубокой зелени.

Из всего Шурочкиного китайского-индийского рая лианы считались, чуть ли не самой ценной ценностью, потому как значились настоящими, завезёнными «оттуда», то есть самыми забугорными. Естественно, что хозяйка гордилась этим, а когда увидела, что Робику лиановые побеги откровенно понравились, сердце девушки ещё больше оттаяло.

Во всяком случае, сколько можно быть одной и можно ли? Да, есть работа! Да, Шура считала себя самодостаточной! Но когда человек один – он, словно птица бескрылая, словно подранок, потерявший стаю. Самостоятельный, очень уважаемый, но никому попросту не нужный отщепенец. Поэтому одинокий человек всегда мечтает о ком-то, кто поймёт и оценит, что одиночество хорошая вещь и сумеет променять эту хорошую вещь без претензий на глупую и никчёмную собственную свободу.

Пока Роби осваивался с неосвоенным и знакомился с незнакомым ещё внутренним миром Шуры, она уже успела упорхнуть на кухню, сварить кофе, даже организовать на полу

вокруг пня что-то вроде небольшого неформального сейшена, благо, топтыжья шкура была не против и хитро посматривала на гостя стеклянными глазами.

– Я к кофею предлагаю ещё коньячку немножечко. Не возражаешь? – пригласила она гостя, разливая по бокалам армянский «Арагат». Роби не возражал. Он уселся по-турецки возле шкуры, на которой сибаритствовала его подружка, взял бокал, принялся выцеживать из не шибко соображающей головы тост, поскольку надо же за что-то выпить:

– А сейчас выпьем за... э-э-э... чтобы...

– Чтобы стоял, и деньги были! – захохотала Шура.

Роби очередной раз поперхнулся, но надо отдать ему должное – быстро справился с собой, снисходительно улыбаясь, поддержал тост хозяйки:

– А что, самое время!

Они пили армянский коньяк, закусывали поцелуями, пока оба не оказались, в конце концов, рядышком на медвежьей шкуре, в её косматых объятиях. Иногда Шура в мечтах представляла встречу с желанным именно такой, или ей только казалось, что раньше когда-то приходили полузапретные видения о такой встрече – это не важно. В данный момент важным было то, что желанный сидел рядом, послушен, влюблён и чертовски доступен! По крайней мере, в данный момент. Этого и хотела Шура.

Она с наслаждением, граничащим с необъяснимым восторгом, упивалась почти забытым запахом мужского тела, будившего в ней самые сокровенные, самые похотливые вольготные желания. До сей поры, эти желания даже не мечтали овладеть сознанием девушки, и существовали, загнанные на задворки подсознания. А теперь, подкреплённые фантазией художника и чувствительными запахами, они рвались наружу, обнажая свою свирепую жадность и неутолимый голод, требовали воплощения в жизнь, чтобы исполнить радостный ритуальный танец на сплетённых воедино телах.

Шурочка стала с нетерпеливостью измученного жаждой путника, одолевшего ненавистную пустыню, срывать с этого источника живительных наслаждений одежду, впилась в его обнажённое мускулистое плечо мелкими хищными зубами очумевшей мурены. К тому же, как свирепая дикая кошка расцарапала гладкую шкуру попавшейся в лапы дичи.

Роберт, не ожидая подобного чувственного садизма, незадачливо крикнул, но вскоре в унисон подружке стал избавляться от ненужных мешающих тряпок, помогая Шурочке также освободиться от излишней одежды, хотя для неё это было делом одной секунды. Он снова увидел обнажённое женское тело, красивую высокую и тугую грудь, претендующую на роль девичьей, округлый живот с мелкими шрамами, оставшимися от беременности, и ясно почувствовал клочкотавшее в ней онгоновое пламя³ женского желания. Это было, пожалуй, самое главное. Сжимая в объятиях, целуя, лаская, распаяя её, он не давал, однако, одерживать над собой верх в этом столкновении двух энергий, двух полюсов, двух ипостасей жизни и смерти.

Вскоре, чуть ошалевшие, но ещё не желающие отказываться от нахлынувшей волны сексуальных откровений, они перебрались на Шурочкин водяной матрац, раздольем своим позволяющий проделывать всё, что ещё можно было придумать в технике и тактике секса. Придумать что-нибудь новое было довольно сложно, но оба очень старались и вывернули наизнанку всю свою изобретательность.

Шура так расшалилась, что икона Оранты – Божьей Матери Управительницы, висевшая над матрацем, свалилась на них. И, как ни странно, именно икона их остановила. Даже не остановила, а заставила прервать неутихающее сексуальное священнодействие.

– Осторожней, девочка моя, – Роби взял в руки икону. – Ух, ты!.. Ярославская школа и, кажись, довольно редкого письма. Откуда это? Шестнадцатый век. Уникальная вещица, между прочим.

---

³ Пламя онгона – адский огонь.

– Ты в этом разбираешься?

– Чуть-чуть, – поскромничал Роби. – Иконы – одна из моих специализаций. Эта выполнена энкаустикой, то есть восковой живописью, что среди ярославских мастеров в начале шестнадцатого века считалось верхом совершенства. Энкастику потом переняли и другие иконописцы, но Ярославцев видно сразу.

Шурочка не обратила внимания на эту фразу, вернее, ей сейчас было не до энкастики или чего-то ещё. Сейчас она владела другой не менее ценной и живой иконой! – это был Телёнок: здесь и сейчас, рядом и неутомимый, ощутимый и послушный, тёплый и ласковый! А Богородица? Богородица – это что-то запредельное, скорее, дань моде, чем реальия или религия. Может быть, она есть или была когда-то, но женщина женщину всегда поймёт и помилует, потому что секс сваливается на женщину не каждый день, тем более такой необыкновенный и захватывающий.

– Божия Мать меня простит, – улыбнулась Шура, – она же, как-никак женщина. Она меня поймёт. И ва-аще, женщинам надо прощать маленькие слабости, пора бы тебе это усвоить. Или я тебе уже надоела?

– Ну что ты, – улыбнулся Роби. – Если женщина хо-о-о-чет, – сфальшивил он. – Во всяком случае, мне с тобой просто хорошо! Здесь и сейчас! Мне наплевать, что будет с нами потом, мне хочется владеть тобой здесь и сейчас!

– Не хочу ничего слышать, тем более слушать, – капризно замахала лапками Шурочка, – хочу тебя. Иди сюда...

Глава 2

Нахальное утреннее солнце доставало Шуру довольно долго, не давая понежиться в объятиях небыли, щекоча её довольно-таки не уродливую мордашку. Прямо скажем: женщиной она была не без шарма и природного неординарного характера, чем очень гордилась. Более того, удивительная эксклюзивность иногда позволяла ей отпускать циничные шуточки в чужой адрес, особенно мужской половины человечества.

И только вчера, впервые за многие годы добровольного затворничества, кое случилось когда-то, но уже не с ней, а с какой-то другой Шурой, которую она не знала, не понимала, да и не любила нисколько, пришла та волна нежности, чуткости, всеобъемлющей радости, какую желает любая женщина в образе принца, короля, или просто любимого.

Иногда женщина становится суфразисткой, но отнюдь не из-за природной вредности, а из-за нехватки внимания от мужчин. Допустим, известная многим ныне Мария Арбатова карьеру сделала именно на призывах женщин бороться с ненавистными мужиками, а сама два раза побывала замужем и дети есть, вот и вся борьба. Таинственное сердце женщины! Но что в нём таинственного, позвольте узнать?

Любая, даже самая стервозная баба сдаётся на милость победителя, если тот будет обладать хотя бы минимальным запасом нежности, не говоря уже о материальной стороне вопроса. Но когда здесь тоже проблем не возникнет, вряд ли от такого принца, короля или просто любимого женщина добровольно откажется. Разве что тот изменит с «бодуна», или просто не устояв под стрелами другой охотницы, вышедшей на рыбалку, схватит и послушно проглотит приготовленную для него наживку.

Вот тут можно ожидать бурь, скандалов, негодований, угроз, клятвенных обещаний отомстить – во всех интерпретациях, видах и вкусах. Человек предательства не прощает, а женщина, говорят, тоже человек, способный на предательство, но никому не прощающий таких ошибок.

В своей жизни Шура когда-то испытала в полной мере и подлость, и предательство. Её бывший муж, которого она справедливо называла органическим, то есть, тайным и не запроотоколированным, никогда не пропускал мимо скользких юбок, томных взглядов и ненароком оброненных улыбок. Это при всём том, что кроме Шуры у него была ещё и официальная жена, занесённая в протокольный альбом семейного счастья. Некоторые женщины соглашались даже на такие отношения, лишь бы почувствовать хоть немного любви, а иногда, чтобы просто родить малыша, ведь любая женщина, не испытывавшая материнства, может, попросту свихнуться. И мужики этим часто пользуются.

Шура иногда прокручивала в памяти первую встречу с Гиляровым, но не специально, а просто произвольно так получалось. Вспоминать прошлое с позиций – «вот я бы никогда сейчас так не сделала...», – было вовсе ни к чему, хотя иной раз оно догоняло и выныривало из волны подсознания как незванный, непрошенный гость. Нельзя о прожитом времени говорить, что прошлое – хуже татарина, как принято считать незваных гостей. Но когда оно неожиданно догоняло и бомбило голову, казалось бы, ненужными воспоминаниями, Шура произвольно отдавалась и подчинялась ему так же, как оставшиеся в живых фронтовики: «Вспомню я пехоту и штрафную роту, и тебя за то, что дал мне закурить...». Эти воспоминания прошлого живут в сознании человека особой, даже обособленной жизнью и приходят всегда как незваные гости.

Зачастую воспоминания выглядят не очень-то прилично, хотя человек всегда пытается забыть нехорошие поступки, вычеркнуть из жизни все неадекватные случаи. Но именно они иногда возникают незвано негаданно из потустороннего Зазеркалья, как лунная дорожка на воде, как отзвук услышанной ещё в детские годы почти не забывшейся песни.

В жилищном кооперативе художников на углу Брянской улицы и площади Киевского вокзала обитало много разномастного люда, порой, к художникам вообще не относящимся. Таким был её неофициальный муженёк Алексей Гиляров, такими были и его дружки – Кирилл Щипарёв, Алёшка Греков, получивший с лёгкой Шурочкиной руки прозвище «Швондер», и Люда Кадацкая. Собственно, Кирилл Щипарёв случайно познакомил Шурочку с Алёшей.

Да, они жили в соседнем доме, да, Шурочка не раз видела Кирюшу, выгуливающего любимого кокер-спаниеля, и попутно обсуждающего с кем-нибудь из попавшихся со свободными ушами жителей кооператива очередные наболевшие проблемы. Но в компанию дворовых сплетников Шурочка записываться не спешила.

В этот раз острый Кирюшин взор упал на одинокую фигуру одинокой женщины, никуда особо не спешащую, значит, готовую выслушать Кирюшины мысли.

С той поры, когда Шурочка перебралась в дом художников из Кунцево, прошло много времени, но в этом кооперативе люди не очень-то старались знакомиться с соседями. Нехорошей плесенью на общей спокойной поверхности болота художников был только болтливый Кирюша и ещё два-три похожих на Щипарёва «рупора истины».

– Простите, можно вас задержать на секундочку? – полувопросительно обратился к ней Кирюша. – Я часто вас вижу во дворе, но ни разу на собраниях кооператива не встречал.

– Простите, – ехидно передразнила его Шура. – Я должна ходить на собрания, чтобы обязательно познакомиться с вами?

– Вовсе нет, – смутился Кирилл. – Я думал, что каждого жителя нашего кооператива интересует благосостояние именно того места, где он проживает. Не зря же наш жилищный кооператив считается образцовым!

– Образцовым? – удивилась Шура. – В какой же статистической или рейтинговой палате это отмечено? И чем же не устраивает вас наше образцовое жильё, позвольте узнать?

– Очень даже устраивает, – замахал руками Кирилл. – Вот только председатель наш выбран, мягко говоря, опрометчиво.

– Ольга Михайловна? – Шура удивлённо пожала плечами. – Я знаю Богданову давно. Она неплохой художник. По её рекомендации меня взяли в секцию копирования известных картин, за счёт чего я, в общем-то, и живу. Она помогает одиноким, жителям нашего дома, в частности выбивает для них материальную помощь в соцобеспечении. Где и как Ольга Михайловна вам дорогу перебежала?

– Сразу прослеживается непосещение кооперативных собраний! – парировал Кирилл. – Если бы вы потрудились посетить хотя бы какое-нибудь последнее собрание, то у вас сразу пропало бы беззаветное доверие к Богдановой. Да и художница она – так себе, право слово.

– Знаете, любезный, – оборвала его Шура. – Вы, вроде бы, мужчина. А чем постоянно занимаетесь? Я вас вижу только как выгуливающего свою собаку и сообщающего тайные мысли на ушко подвернувшимся слушателям. Богданова, конечно, не известная всем Серебрякова, но я видела её работы и не вам ей кости мыть. Вы, любезный, сами-то можете похвастаться хоть чем-нибудь? Своей работой? Или «перемывание костей» – ваша истинная работа? Всё же, не мешало бы вам хоть немного уважать председателя кооператива. Тем более, что Ольга Михайловна вдвое старше вас.

Шура резко повернулась и направилась к выходу из двора. Но упрямый Кирилл догнал её и извиняющимся тоном промямлил:

– Вы неправильно поняли меня! Ведь нельзя же так – голову с плеч! Лучше приходите сегодня к Алексею Гилярову в шестьдесят первую квартиру. Мы там, в семь вечера собираемся. У Алёши даже жены дома не будет.

После такого своднического заявления Кирилл действительно чуть не схлопотал по своей пухлой улыбающейся роже, обрамлённой лохмами чёрных с химической завивкой волос. Но его вовремя окликнула какая-то «кооперативная» бабушка, и он, кивнув Шуре, помчался

делиться с позвавшей его старушкой свеженькими сплетнями о нашкодившей председательнице кооператива.

– Надо же! – досадливо сплюнула Шура. – Настоящий Союз художников с доставкой гадостей прямо на дом! И каждой натурщице – по рюмочке тройного рома за авантажную работу.

Девушка тут же попыталась выкинуть из головы всякую пошлость, видимо, Щипарёв больше ни на что не способен кроме этого. Но Кирюшины слова почему-то не давали покоя Шурочке весь день. Более того, к семи вечера она решила всё же сходить в шестьдесят первую квартиру соседнего дома с тем, чтобы узнать, какие всё-таки революционные маёвки разрастаются в их жилищном хищном кооперативе, как поганки после дождя. Тронуть её никто не посмеет, а вот узнать про сборище не помешает. Да и посмотреть на собравшихся стоит, хоть немного познакомиться с проживающими в непростом кооперативе художников «МСХ-2».

На звонок дверь почти сразу же открылась. Шуру впустил в квартиру сам хозяин. Его девушка никак не могла припомнить, хотя жили в одном кооперативе и в соседних домах. Уж такое наше время, что, порой, люди не ведают, кто живёт с ними на одной лестничной площадке, а тут в соседнем доме! Конечно, Шурочке некогда было разглядывать соседей. Гиляров приветливо улыбнулся и пригласил пройти в комнату.

Шура чуть задержалась в прихожей и неудивительно. Хозяин превратил свою двухкомнатную квартиру в однокомнатную, убрав лишнюю, как ему казалось, перегородку. Но квартира сразу стала нестандартной, необычной и просторной. Возможно художнику, если Алексей был настоящим художником, это было как раз необходимо. Хотя полёт мысли нельзя запереть ни в какие рамки, а тем более квартирные, но, может, художнику расширение замкнутого пространства потребовалось для работы.

В углу зала у глухой стенки примостился стандартный раскладной диван, а второй, но уже не раскладной, зато карельской берёзы, занимал место у другой стены. Меж ними стояли разные помпезного вида кресла и стулья, расставленные, видимо, для гостей. Гости было не так много. Все они иногда подходили к круглому столу в центре комнаты, на котором красовались разномастные бутерброды и блестили стеклянными боками бутылки с «Вазисубани» и «Киндзмараули».

С противоположного конца комнаты к пришедшей гостье устремился улыбающийся толстенный Кирилл:

– Наконец-то! Как здорово, что вы пришли! Алёша, – обратился он к рядом стоящему Гилярову, – я о ней говорил. Это Александра Ослиная из соседнего дома. Нашего полку прибыло!

– Вы всерьёз полагаете, что я способна воевать в вашем полку? – усмехнулась Шура. – И может ли хоть какая война доставить радость, ведь в любом сражении неизбежны потери?

– Ах, будет вам! – отмахнулся Кирилл. – Алексей всё объяснит. Он это делает гораздо лучше, чем я.

С этими словами Кирилл ретировался в другой угол вместительной комнаты, где несколько присутствующих дам отнеслись к нему более благосклонно. Это было заметно хотя бы потому, как улыбались дамочки, готовя уши под Кирюшину словесную лапшу.

– Не принимайте близко к сердцу его болтовню, – Алексей махнул в сторону Кирилла рукой. – Иногда он такого может нагородить, что сам потом не разберётся, что правда, а что наплёл, но вовсе не со злости.

– Значит, он всё сочинил про Ольгу Михайловну и заманил меня сюда, как муху, прилетевшую на мёд? – обиделась Шура.

– В общем-то, вы пришли не зря, потому что власть в кооперативе надо брать в свои руки, – попытался успокоить гостью хозяин. – Я в двух словах объясню сейчас положение вещей и, думаю, вы со мной согласитесь. Дело в том, что когда СССР уже готовился почтить в

бозе, государство с лёгкой руки Горбачёва, а за ним и Ельцина, разрешило открывать кооперативную торговлю, что позволило в свободном пространстве под вашим домом открыть множество маленьких магазинчиков.

– Ну и что? – пожала плечами Шура. – Там один из залов принадлежит даже Зурабу Церетели. Неужели плохо, когда художник может спокойно продавать свои работы? Вспомните «Бульдозерную выставку», когда работы русских художников смели железными бульдозерами! Вы хотите вернуть Совдепию, когда за любое нечаянно сказанное слово человеку грозили пожизненные лагеря, когда без суда и следствия сажали писателей и высылали поэтов? Или же мечтаете семенить на поводке у мировой масонской закулисы, где испокон веков разрабатывают планы, как задушить творческую Россию? Вспомните, что многоуважаемые масоны сделали с русским императором Павлом Первым?

– Вовсе нет, я отнюдь не за сотрудничество с заграницей. Я тоже художник и ценю свободу творчества, – пытался оправдаться Гиляров. – Здесь дело в другом. Хозяева торговых точек должны вносить арендную плату за пользование принадлежащей нам территорией. Так?

– Допустим...

– Не допустим, а именно так! – рубанул Алексей рукою воздух. – А денег на нужды кооперативного хозяйства не поступает! Спрашивается, где они?

– Вы хотите сказать, – нахмурилась Шура. – Вы хотите сказать, что Ольга Михайловна присваивает себе чужие деньги? Вы в своём уме? Я не раз бывала у неё дома и могу засвидетельствовать, что наша председательница живёт более, чем скромно.

– Я ничего не имею против Ольги Михайловны, но разобраться в финансовом положении кооператива необходимо! – не сдавался Гиляров.

– Я тоже не против вашего разбирательства, – пожала плечами Шура. – Но я-то вам зачем понадобилась?

– Очень просто! Чем больше жильцов будет переходить на нашу сторону, тем быстрее мы сможем привести дом в порядок!

– Прямо-таки и в порядок? – усмехнулась Шура. – В истории планеты любой из новых монархов сулил народу новый порядок, но это редко у кого получалось.

– У нас получится, – уверенно кивнул Алексей. – Тем более, что наш жилищный кооператив не огромная страна, а всего лишь два дома на Брянской улице. Кстати, вон за столом мой приятель Алёшка Греков сейчас тост произносить будет. Присоединимся?

Шура не видела смысла отказываться, и Лёша вручил ей стаканчик красного «Киндзмараули». К столу подтянулись другие участники застолья, приготовившись слушать тост.

– У одного грузинского царя, – грассируя, начал Греков, подлаживаясь под кавказский акцент, – было три красавца сына. А у другого грузинского царя была красавица дочь. И вот, старший из сыновей первого царя решил жениться на царевне. Но она ему поставила условие: царевич должен на своём коне догнать царевну, обнять её на всём скаку, поцеловать на всём скаку! И только после этого царевич сможет взять её в жёны. Царевич согласился, не сомневаясь, что мужчина должен быть лучшим наездником, чем капризная принцесса. Но его конь оказался намного хуже скакуна принцессы. Царевич даже не смог догнать девушку и его сбросили в пропасть! Повторить попытку брата решил средний царевич. Он долго гнался за царевной на своём аргамеке! Догнал! Обнял! Но не смог поцеловать, и его тоже сбросили в пропасть. Потом решил жениться на царевне самый младший царевич! Он также долго гнался за прекрасной наездницей на своём ахалтекинце, обнял на всём скаку, поцеловал на всём скаку, но его тоже сбросили в пропасть! А за что?! За компанию! Так выпьем же за компанию, дорогие!

– За компанию – грех не выпить! – поддержала его Шура.

Греков изящно поклонился поддержавшей его даме, и вскоре подошёл к Гилярову с Шурой, высказать своё алаверды.

– Благодарю вас за благосклонное отношение, – расшаркался он перед Шурой. – Очень рад, что вы присоединились к нам, ибо тот, кто не умеет собирать купоны с торговцев шерстью, а заодно и с доверившихся жителей, достоин осмеяния.

– Вот как? – Шура с нескрываемым удивлением посмотрела на нового знакомого. – И как же вы собираетесь стричь свои купоны? То есть, сбривать шерсть с доверчивых жителей?

– Всё очень просто, – не растерялся тот. – Давно уже один из наших бывших вождей произнёс золотые слова: «Цели наши ясны! Задачи определены! За работу, товарищи!». ⁴

– Любопытно, – хмыкнула Шура. – Из вас, любезный, очень неплохой товарищ Швондер получится! Читали «Собачье сердце» Булгакова? А экранизацию помните? Там Роман Карцев здорово вас спародировал. Посмотрите фильм на досуге, никогда не помешает знать, кто вы и как выглядите.

Прямое высказывание Шуры вызвало смех даже у близких друзей Алексея Грекова, за которым прозвище Швондер с той поры и укрепилось. Впрочем, вечер получился довольно гламурный, тем более, что Гиляров познакомил Шурочку с довольно серьёзным мужчиной Медведевым Риммом Ивановичем. Девушка не знала, какой это человек в обычной бытовой жизни, но как специалист Римм Иванович произвёл на Шурочку огромное впечатление.

Он был профессиональным юристом и обрисовал положение кооператива довольно понятно и живописно, так что девушка без труда поверила ему.

Мало ли что говорил Гиляров с друзьями, но когда профессионал, не особо скрывая, выложил перед жительницей кооператива весь юридический расклад хозяйственных дел, Шура просто поразились способности этого человека видеть почти неприметные вещи и замечать незамечаемое. К тому же, адвокат обрисовал положение вещей вовсе не в пользу Алёши Швондера и Гилярова. Скорее всего, с точностью до наоборот.

Римма Ивановича пригласили в гости тоже только затем, чтобы заручиться помощью блестящего адвоката в своём лагере. Но этим наполеоновским замыслом, похоже, не суждено было сбыться. Начавшееся знакомство с юристом нарушил тот же Лёша Гиляров, стремившийся познакомить Шуру с другими выдающимися гостями. Второй знаменитой личностью оказался Герман Агеев, широко известный в узких кругах экстрасенс.

Надо сказать, Шурочка с детства очень интересовалась мистикой, магией и астрологией, поэтому новый знакомый сразу же отвлек девушку от правовых юридических прав рассказами о летающих тарелках, то есть, неопознанных летающих объектах и всякой прилагаемой к ним фурнитуре. Причём, именно из-за присутствия этих двух неопишуемых личностей вечер удался на славу. Во всяком случае, Шурочка была очень довольна, что поддавалась на уговоры Щипарёва посетить вечерний сейшн, хотя в ряды бойцов с руководством кооператива вставать не собиралась.

Более того, Алексей Гиляров ненавязчиво напросился к Шуре в провожатые, а эти проводы неожиданно закончились утренним чаепитием в квартире Шуры. Много позже девушка просто не могла найти оправданий за вспыхнувшую мимолётную связь. Себя она успокаивала только одним, что нет-де женщин несговорчивых, есть только те, кто уговаривать не умеет. Шура была искренне уверена: связь с Алексеем не может быть продолжительной, тем более, у этого откровенного ловеласа имелась законная жена – Марина Суслова.

Перед Шурой Алёшка рассыпался бисером и давил на жалость, мол, жена-поморка не любит, издевается, к тому же, плоская, как беломорская камбала, и давно уже пора развестись, но... Вот это «но» и объяснило девушке недолговечность связи с залетевшим к ней в постель лохматым шмелём, который прилетает только на душистый хмель, а потом удирает, как цапля серая в камыши.

---

⁴ Н. С. Хрущёв. Из речи на XX съезде КПСС.

От беспощадной действительности не скроешься, как ни крути, как ни отмахивайся, хотя стоит ли отмахиваться от совершённого поступка? Если ты получил через случившееся какой-то урок, послуживший отметиной будущих шагов, то это твоя структура, твой жизненный путь, по которому пройдёшь только ты. И только ты, оставляя на пути попутные вехи, сможешь сделать когда-то свой выбор, то есть найти настоящего спутника жизни. Жаль, искать приходится, чуть ли не всю сознательную жизнь, ведь настоящая любовь так редко приходит сразу и навсегда. Большей частью получается наоборот.

К тому же, многие представительницы слабого пола соглашались на такие отношения, которые принимают форму инертной жизни, диктующей сермяжную безысходность. Женщина, как правило, живёт надеждой, верой в любовь и спешащую к ней радость. Но что может хорошего получиться из половинчатого мужчины, когда он не холоден, не горяч с женщинами, да и в творческом отношении – сущая бездарь?!

Шурочкин теперь уже официальный органический муж Алексей Гиляров всегда знал, как нужно поступать в той или иной ситуации, знал вообще, как нужно жить на этом свете, был безоговорочно прав во всём. Но поступал почему-то наоборот своим мудрым советам. Если честно, это состояние свойственно почти каждому россиянину: не ищу возможности, чтобы что-то сотворить, а ищу причину, чтобы ничего не делать, к тому же надо обязательно найти стрелочника, на которого можно беспрепятственно свалить все свои грехи и подленькое отношение к людям.

Вдобавок Гиляров для себя решил, будто получил власть над ещё одной покорённой женщиной, и постоянно пытался вогнать Шурочку в какие-то дурацкие рамки с соответствующими понятиями о жизни. Только человек ведь – не робот, даже самый маленький и перестраивать его по-своему, ограничивать какими-то идиотскими рамками, если даже кажется, что это очень хорошо и единственно правильно, просто преступление перед Богом.

Единственное, что ещё удерживало девушку рядом с предсказуемым человеком, выдуманная и сочинённая ей самой совершенно новая игривая поза: когда Алёша дарил ей сексуальный поцелуй, делая гризет,⁵ она принималась читать детектив небезызвестной Дарьи Донцовой! Как такое взбрело в голову, Шура сама до сих пор не могла понять, тем более, что к писанине Донцовой она относилась довольно пренебрежительно. Придя к изобретению новой сексуальной позы, почему бы ни потребовать, скажем, Нобелевской премии за небывалый триста тридцать третий способ сексуальных потребностей? Ах, всё так, конечно, но разве человеческая жизнь состоит только из этого?

Связь с Алексеем Гиляровым, не смотря ни на что, продлилась больше года, и он сам бросил Шуру, когда узнал, что скоро станет отцом. Ах, как он выливал «за глаза» словесные помои на голову законной жены, дескать, если бы Марина согласилась иметь от Лёшеньки ребёнка, то только тогда её можно было бы назвать настоящей женщиной, только тогда он смог бы по-настоящему полюбить прожигающую жизнь бездельницу.

Однако, узнав, что Шурочка беременна от него, сразу смылся в подвернувшуюся заграничную командировку, благо помог дядька, офицер Лубянки, имеющий верные связи в дипломатических кругах. Оказывается, Гилярова дети тоже не устраивали, тем более байстрюки, то есть, незаконнорождённые.

К счастью, именно в этот момент Шурочку навестила мама, добротный дом которой находился на Подмосковной Пахре. Мама тоже давно распрощалась с Кунцевским районом, зато в не загаженном ещё Подмоскovie чувствовала себя вольготно. Она сразу поняла, что дочь «влетела», и провела политико-оздоровительную лекцию посреди сознания и совести дочери, взяв с неё клятвенное обещание, не делать аборта, потому что такая операция – обыкновенное убийство, прикрытое всякими бытовыми объяснениями, чтоб не портить дальнейшую жизнь.

⁵ Гризет (фр.) – поза орального секса.

Девушка сама была против уничтожения ещё не родившегося малыша. Но не могла ответить себе на тут же возникшие бытовые вопросы: как сможет она, несостоявшаяся художница, вырастить и воспитать будущего ребёнка? что сможет дать она младенцу, кроме жизни? не станет ли такое появление на свет для младенца проклятием? не перечеркнёт ли она этим жизнь не только ребёнку, но и себе самой?

Только мама быстро разогнала все наплывающие вопросы одним полновесным словом, не терпящим никаких возражений: рожать! А младенца поможет вырастить мама, тем более, у неё давно уже была мечта – стать бабушкой! Видимо, на воспитание Шурочки она в своё время не могла выделить достаточно времени, а теперь сам Господь даёт ей возможность исправить ошибку и уделить больше внимания приходящему в этот мир человеку.

Как-то раз во дворе Шурочка столкнулась нос к носу с Германом Агеевым, второй знаменитой личностью, с которым она познакомилась на вечере у Алексея Гилярова. Мужчина приветливо поздоровался с ней, как со старой знакомой. Непроизвольно остановившись, Шура чуть было не спросила у экстрасенса, что тот думает об абортах, но их беседе помешал ещё один знакомый голос:

– Ба! Знакомые всё лица!

Шура обернулась. К ним подходил адвокат Римм Иванович.

– Похоже, место встречи изменить действительно нельзя, – улыбнулась девушка. – Ведь я ни с Германом, ни с вами не виделась со дня знакомства у Алексея на вечеринке.

– Ох, Гиляров! – мотнул головой Медведев. – Я, дурак, согласился оказывать им юридическую помощь, а они, вшивые хозяйственники, всё превратили в настоящую революцию с неоправданными жертвами!

– Как так?! – ахнула Шура.

– Вы на своём подъезде объявления читали? – деловито осведомился адвокат.

– Нет, – призналась девушка.

– А напрасно! – воскликнул Римм Иванович. – По всем подъездам вашего кооператива, рвущееся к власти Новое Правление развесило объявления, что нынешний председатель, Богданова Ольга Михайловна является-де уголовной преступницей, и что Новое Правление подаёт на старушку иск в Московский Союз художников, чтобы выгнать её из этого Союза! Да вы почитайте сами! – Медведев указал на дверь ближнего подъезда, где действительно висели какие-то объявления.

– Позвольте, – вклинился Герман. – Я помню, когда из России выгоняли Пастернака, то на Писательском Пленуме один из записанцев тоже вопил во всеуслышанье, что никаких книг Пастернака не читал, но знает, гнать его из Советского Союза надо обязательно, мол, таким не место в передовом Советском обществе! Такое же повторилось и с Бродским.

– Что же это такое! – ахнула Шура. – Я знаю, Ольга Михайловна честнейший человек! Она может не перенести такого позора!

– Вот, вот! Сердце старушки просто не выдержит! – подхватил юрист, поэтому я разорвал все договора с этими проходимцами, поскольку убийцей быть не собираюсь. А верховодит над всем Людмила Кадацкая со своим мужем Алёшенькой.

– Швондером?! – в очередной раз ахнула Шура.

Надо сказать, что, запутавшись в своих личных переживаниях, Шура совсем перестала замечать окружающее и чуть не пропустила готовое совершиться преступление. Но действительность оказалась намного хуже: преступление всё-таки совершилось, и старенькая Ольга Михайловна скончалась «от сердечной недостаточности», как было отмечено и зафиксировано дежурившими по району медиками вместе с районным участковым.

Всё верно, всё нормально, старость – не радость, мало ли кто помирает? Родных у скончавшейся не оказалось, поэтому ненавистную бабушку Новое Правление благополучно и быст-

ренько сожгло в крематории и разместило в колумбарии. Всё путём, ни каких придилок и сомнений не должно быть! Вот только человека почему-то уже нет.

А Шуру на несколько месяцев забрала к себе мамочка, потому, что за будущей роженицей необходимо было присмотреть. И вообще, девушке вредно оставаться в образовавшемся узаконенном гадюшнике потенциальных убийц Ольги Михайловны. Недаром адвокат Медвед отказался оказывать услуги профессиональным подлецам.

На Пахре в мамочкиной усадьбе Шуре было неплохо, и вскоре она родила девочку, которую бабушка тоже назвала Шурой. Но дочери мать поставила непререкаемое условие:

– Я не смогла воспитать тебя, дочь, не сумела обеспечить тем вниманием, которого так не хватает детям от родителей. Если Шурка поедет с тобой, то ты так же будешь метаться меж карьерой, домом и дочерью. Пойми, у меня девочке будет хорошо, и у тебя никто под ногами путаться не станет. А когда подрастёт она, можешь забрать и устраивать в какую-нибудь школу «с уклоном». В общем, видно будет. Пока лучше позаботься о себе. Я знаю и чувствую, талант художника в тебе ничуть не умер. Так не смей убивать его на корню!

Стоит ли говорить, что Шура полностью согласилась с решением матери поддержать её в трудную минуту. Новая мамочка несколько месяцев ещё тетешкалась с дочкой, а потом укатила в Москву, догонять не упущенное, ловить не пойманное. Шурочка сама чувствовала, что сможет достигнуть той черты профессионального умения, за которой будет настоящая творческая работа художника – с этим умением она пришла в человеческий мир, значит, необходимо реализовать себя.

Но сегодня умственный анализ привёл к неизбежной депрессии, унынию, безысходности. Может быть действительно лучше, когда ни о чём не думаешь? А тогда, в то время, захлёстывало чувство мести по отношению к Алексею Гилярову, даже какого-нибудь коварства. За что? За то, что доверилась. За то, что тот тоже принадлежал к команде убийц Ольги Михайловны. За то, что уже не сможет доверять полностью никаким «наполеоновским» планам ни одного мужчины в подлунном.

И ведь это случилось – отчуждение приводит к одиночеству, а одиночество – страшная вещь! Столько пришлось быть одной и возвращаться в пустую неуютную берлогу, где на стульях ютилась домашняя безыдейная Хламорра! Столько слёз было пролито в ничего не чувствующую подушку! Никто этого не знает, никому этого знать не надо, но что было, то было.

Только женщина никогда не перестанет тянуться к любви, какие бы перипетии с ней ни приключались. Вера и любовь – две ипостаси, умеющие спасать беспомощного человека. И Шура бессознательно тянулась к вере в любовь, так тянется цветок к солнцу, жаждущий к роднику. Именно это случилось с Шурой сейчас. Она, окунувшись вчера в более чем сомнительное знакомство, переросшее в своего рода приключение, никак не могла с ним расстаться даже во сне. Никак не могла поверить, что всё кончается, даже удивительная ночь.

Наконец, поддавшись уговору солнечных зайцев, Шурочка сладко потянулась, открыла глаза. Телёнка в обозримом пространстве не наблюдалось. Не было его и ванной. На всякий случай девушка заглянула в другую комнату, которая служила запасником для картин, – пусто.

– Смылся, мерзавец, – буркнула Шура, ещё раз оглядывая царство Хламорры – совершенно безыдейного, но отнюдь не безвкусного беспорядка – живописная сущность её жилища, приставшая к ней со студенческих времён. Или раньше? Не важно. Когда-то давно, очень давно, Шура пыталась воевать с Хламоррой, только все её стратегические полувоенные разработки терпели неудачу: Хламорра радостно отвоёвывала пространство, заставляя считаться с собой, любить себя, даже относиться с уважением, что само собой, по отношению к любому другому беспорядку было бы просто абсурдом.

Лёгкая грусть, задевшая Шурочку полрой горько-дымчатой одежды, быстро улетучилась – всё хорошее проходит, кончается рано или поздно. Может быть, есть какая-то жизненная правда в том, что Телёнок удрал? Но ведь мог, собачкин сын, хоть телефон оставить! Шура

резонно считала: пусть это хорошее пройдёт лучше раньше, оставив после себя шлейф воспоминаний о необыкновенных счастливых минутах, чем к этим же минутам прилаживать потом костыли, превращая лёгкое красивое счастье в уродливую колченогую старуху с отвислой губой и остекленевшим взглядом.

– Я слышу снова: был ли мальчик? Быть может, мальчика и не было, – пропела Шура.

Она забралась с ногами на любимый матрац, с честью выдержавший ночное испытание, подтянула телефон, принялась набирать номер подруги. Счастье счастьем, а поделиться с кем-то на предмет Телёнка Роби было жизненной необходимостью, тем более что прошедшая ночь до сих пор являла себя яркими вспышками эпизодов, таивших радость, грусть, сожаление, блаженство. В фейерверке этих воспоминаний Шурочка никак не могла разобраться. Надо было хоть как-то, хоть что-то систематизировать – так учил её Герман Агеев, который регулярно посещал владения Шурочкиной Хламорры и давал небезынтересные советы. Но о Германе она не хотела думать вовсе, по крайней мере, сейчас, а вот совет подружки оказался бы как нельзя кстати. К телефону долго никто не подходил, потом трубка надсадно крикнула – обозначился полусонный голос Нино:

– Аллё-ё...

Её подруга – удивительнейшая особь из рода сапиенсов – считала себя Иоанном Златоустом, Рамачаракоей и Фрейдом одновременно, то есть, три в одном флаконе, как это сейчас принято в косметике. Надо сказать, иногда непредсказуемая Нино выдавала такие перлы, что любой Кант или Бердяев казались противу неё первоклашками.

Во всяком случае, Нино так оценивала себя не без основания, потому что, скажем, в воскресение бежала утром в православную церковь на христианскую Литургию. Вдоволь помолившись и скороспело пробубнив зазубренные молитвы, спешила на сходку поклонников великого Ауробиндо, где знакомый советский йог Виктор Иванович, читал под дымок индийских благовоний лекцию «Об астральном откровении ищущего», или же о «Поиске астрального откровения».

Причём, йог ещё с советских времён Виктор Иванович неукоснительно требовал, чтобы прихожане его величали махатма Свами. Видимо, Ниночке обалденно нравилось надевать на рожицу «умняк» и, закатив глаза, вдыхать выпущенную советским йогом струю могущественной праны. После всего Нино успевала ещё в клуб «Меридиан», где диакон Андрей Кураев агитировал собравшихся ни в коем случае не связываться с экуменистами,⁶ а вступать в их добролюбное общество. Всё это пока ещё было терпимо, но больше всего Нино удивила Шурочку танцами в кришнаитской братии на Арбате.

Совершенно случайно, забредши на эту полупешеходную улочку по каким-то своим делам, Шурочка проходила мимо тамошних художников, поэтов, музыкантов и просто торговцев всякой всячиной, не особо присматриваясь к гомонящим вокруг толпам. Обратила внимание и остановилась только возле вездесущих кришнаитов, полюбивших плясать иногда именно на Арбате.

На первый взгляд ничего, вроде бы, особенного не было в этих молодых нерусях, родиной которых ещё совсем недавно была многодетная Россия.

Бросив взгляд на кружившихся в танце почти индийских гурий и пери, Шура застыла в обрушившемся ниоткуда столбняке: прямо перед её носом выплясывала Нино в настоящем индийском сари, с серёжкой в носу, с красным пятном меж взбалмошных бровей и остекленевшими нечеловечьими глазами.

---

⁶ Экуменизм – новое религиозное веяние, ратующее за всеобщее объединение всех религиозных конфессий, начиная от идолопоклонства, шаманизма и кончая инопланетным православием.

Несколько минут Шура стояла, открыв рот, не сразу сумев понять происходящее. Потом попыталась протиснуться к подружке, которую от неё почему-то намеренно оттесняли наголо выбритые мужики в оранжевых индийских одеждах. Шуре пришлось даже применить кулаки, чтобы пробиться к новоявленной советско-индийской плясунье, пытающейся пародировать танец живота.

– Ты что, совсем рехнулась? – вытащила её Шура из кришнаитской свары. – Ты в своём уме, дура?! За каким лешим тебя занесло в это осиное гнездо? Виктор Иванович «Свами» посоветовал?

А Нино, не слишком-то прислушиваясь к сварливому Шурочкиному ворчанию, продолжая ещё по инерции приплясывать, а заодно и подпевать незатейливую мантру, вдруг промолвила елеинно и кротко:

– Шура, как хорошо, что ты здесь! Становись вместе с нами. Ты не понимаешь пока, но всё поймёшь: Кришна всех любит, Обо всех заботится. Давай танцевать! Кришна, Кришна, хари, хари...

– Ага, – обозлилась Шура, – хари Кришна, хари Рама, я за что люблю Ивана?! Марш домой, дура!

С этими словами она влепила такую увесистую оплеуху подружке, что у той сразу же наступило просветление, протрезвление и даже глаза потеряли стеклянную оболочку. Из них просто закапали слёзы. Нино встряхнулась, как встряхивается собака после купания, принялась сразу просить прощения, креститься и кланяться на все стороны света.

Видя, что у них на глазах пытаются увести новообращённую и вернуть её пусть не в христианскую церковь, но на родину, чуждую индийским понятиям, кришнаиты заволновались. Из толпы почти индийских мужиков выделились двое мускулистых предводителей кришнаитского стада, выражением лиц похожих на воровских паханов.

Кришнаиты, пытаясь урезонить новую шибко агрессивную авантажную прихожанку подручными средствами, стали снова разделять подружек.

Шурочке пришлось их послать далеко в Индию, да так понятно, что незнание русского языка, если такое вообще было, не помешало бы понять девушку самым диким дикарям. На это почти индийским мужикам было нечего ответить: они поняли, что им предлагают посетить, по меньшей мере, Лхасу, а заодно и Шамбалу. Кто ж из настоящих кришнаитов откажется от такого лестного предложения? Они отстали.

– Я тебе, сукина дочь, – Шура тащила за руку слабо упирающуюся Нино. – Я тебе покажу харю Кришны, а заодно и харю Рамы. Да ещё твою намылю, как следует. С жиру бесишься, идиотка? Тебе Ауробиндо мало? Не все деньги ещё отнесла советскому йогу Свами?

– Ну, что ты! – защищалась Нино. – Кришнаиты добрые, они учат истинной вере, они ничего не жалеют для меня.

– Чего они не жалеют? – опять взъелась Шура. – Куска хлеба? А ты? Ты что для них не жалеешь? Деньги? Машину свою? Квартиру?

По тому, как Нино стушевалась, Шура поняла, что попала в точку. Причём, в правильную точку. Не надо было быть особым физиономистом, чтобы понять – именно здесь Нино постигли какие-то неприятности.

– Так, так, – Шура даже остановилась, взяла в обе ладони голову подружки и заглянула ей в глаза. – Ну-ка быстро рассказывай: свою квартиру ты никому ещё не завещала?

– Нет, но...

– Что – но? – закричала Шура. – Что но?.. Или ты думаешь, тебя кто-нибудь из них пожалеет, спасёт и чему-нибудь научит? Кто-нибудь устроит тебя, кроме как в бордель? Ну-ка, выкладывай быстренько, что ты им уже задарила и что наобещала?

– Гуру просил машину, – призналась Нино. – Но только на время. Честно! Он просил для развоза литературы. Он вернёт! Ведь для распространения книг тоже нужен транспорт. А у них с развозкой книг возникли небольшие проблемы. Я обойдусь пока, а им машина очень нужна.

– Кришнаитам? Транспорт? – Шура всплеснула руками. – А ты, идиотка? Что ты сделала?

– Я отдала машину, – потупилась Нино. – Но, действительно, на время. Он ведь обещал вернуть! Притом, истинно верующий не должен цепляться за вещи в этом мире. Это грех, который притягивает к земле и не даёт понять истинной чистоты полёта. А без этого не достигнуть воссоединения с Мировой душой. Даже в Астрал никогда не поднимешься, а ведь там так красиво, такой полёт мысли, такие ощущения!

– Всё понятно. Тебя кальян раскуривать учили? Или жевать что?

– Да, – призналась Нино. – Я листочки бетеля⁷ жевала. Это так вкусно, так бесподобно! Ты не представляешь.

– Погоди, – оборвала откровения подруги Шура. – Скажи-ка, ты ему доверенность написала?

– Нет. Дарственную...

– О, Господи!..

Шурочке пришлось довольно долго возиться с подругой, объясняя ей чуть ли не на пальцах всё любвелюбие сект и достижение с их помощью воссоединения с Мировой душой или же Вселенским разумом. Причём, многие из махатм, гуру, муэдзинов, кади и прочих представителей различных конфессий в открытую используют «благовонные» травы, после которых человек очень часто становится вполне управляемым наркоманом.

К счастью, среди легиона лжепророков обычно чувствуется нехватка сообразительности или же Первосвященникам просто лень сочинять что-то новое. Зачем изобретать велосипед, когда есть уже изобретённый, приносящий существенную пользу земным для постижения небесных тайн.

– И чем же тебе наш православный храм не по вкусу? – пыталась понять Шура. – Ты давно ходишь по воскресениям на Литургии. Мне бы твоё усердие! Но чем наши русские священники хуже иноземных кришнаитов?

– По вкусу – ответила Нино, – только в православии всё очень сложно. И запретов куча. А здесь – дари любовь, и она вернётся к тебе в тысячу раз сильнее, могущественнее и красивее.

– Понятно, лёгкой любви захотела – а ведь такой не бывает! – отрезала Шура. – Любовь в этом мире исчезает навсегда как, допустим, человеческие мысли. Если не бережёшь органа любви, находящегося внутри твоего сердца, то он непременно отомрёт. И про таких людей обычно говорят, дескать, бездушный. Неужели не слыхала?

Шурочке о многом ещё пришлось рассказывать и объяснять подружке, умеют всё-таки сектанты задуривать голову! Это одурачивание у них получается просто профессионально! Вот только за державу обидно: ни в одной стране земного шара не разрешают сектантам так вольготно существовать, как в России.

Нино постепенно всё же отошла от заученной программы. Не сразу, но отошла. Видимо, для зомбирования в сектах тоже нужно какое-то время, только на этот раз Шурочка успела вовремя. И всё же иногда Шура ещё заставляла подружку, бесцельно бродящую по квартире, нацепившую на себя жёлтую футболку и настоящий сари. С этими шмотками Шуре пришлось поступить более, чем жестоко: она всё выбросила на глазах у подруги в мусоропровод. Зато после, не было у Шурочки ближе подруги, чем возвращённая блудная дочь Нино. Так что вовсе не удивительно, что позвонила девушка именно к ней, а не к кому-то ещё.

– Ал-лэ-ё? – ещё раз переспросила Нино.

---

⁷ Бетель – трава, сок которой вызывает наркотическое опьянение.

– Привет, дорогуша! Это я. Нинуля, знаешь, у меня тут проблема небольшая возникла... – неуверенно начала Шура. – Я даже не знаю, с чего начать и вообще, стоит ли?..

Но подруга тут же её перебила:

– Потрясающе! Это называется просто: что-то хочется, а кого – не знаю. Если у тебя проблема, которую ты, именно ты(!), не можешь решить, значит, проблема серьёзная, а если она к тому же ещё и небольшая, значит это мужик, а если мужик, то по телефону такие вещи не решаются. Ноги в руки и живо ко мне.

– Потрясающе! – как эхо повторила Шурочка.

Глава 3

Серый город. Но почему он весь такой серый? Даже дорога, которой идёт Шура, серая. Присмотрелась: нет, скорее, голубая. Да, голубой асфальт. Прямо как в Париже. Вспомнилась давняя недельная турпоездка с заездом в Париж и – самое первое незабываемое удивление – голубой асфальт. Нигде, ни в одной стране Шура не видела такого, а в Париже – поди, ж ты!

Здесь, в сером городе, под её ногами, был такой же голубой, какого нет больше нигде. Но это не Париж. Во всяком случае, Париж никогда не будет серым. Или не был серым? Кто его знает, что там сейчас. А здесь даже редкие освещённые окна в домах с серым отливом. Совсем нет светящейся неоновой рекламы. Может, не обязательно рекламы, но без обычных уличных фонарей город представить сложно.

А, может, это не вечер? Может, ранее утро – утро сырое? – потому что нет ни людей, ни машин, а небо серое-серое. Скорее всего, оно просто не может проснуться и просветлеть. Шура идёт по улице. Прямо по магистрали, по разделительной реверсной полосе. Но ни одной машины, ни велосипедиста, ни даже какого-нибудь прохожего, что для обитаемого города – нонсенс! Не может быть, чтобы все люди покинули город и теперь это только тень города или город теней!

Ничего, должно же что-то проясниться, хотя серый рассвет достаёт своей монотонностью, перекрашивая всё под себя. Нет, не всё. В руках откуда-то букет красных роз. Одиннадцать штук. Интересно, а это счастливое число? Почему же совсем нет людей? Без них довольно дико, одиноко, неуютно. Может, появится хоть один? Пусть даже серый, но человек, но живой!

Вдруг из молочно-серого ниоткуда прямо навстречу Шурочке вылетел ослепительно-белый Кадиллак с откинутым верхом. Сквозь ветровое стекло Шура пыталась разглядеть водителя, а там никого. Машина, не управляемая никем? Или просто лобовое стекло покрыто серой светозащитной плёнкой, сквозь которую невозможно разглядеть салон? Машина несётся навстречу: на пустом шоссе от неё деться просто некуда. Вспыхивают фары, по две с каждой стороны – одна над другой. Кажется, это какая-то устаревшая модель – только и успела подумать девушка.

Кадиллак блестящим широким бампером ударил Шуру ниже колен. Она упала на голубой тёплый асфальт, почти сразу услышала какой-то противный треск: вероятно, раскололся череп. Надо же, совсем не больно и не опасно. Значит, живые напрасно пугают друг друга смертью, скорее всего, она никакая не уродина и не скелет с косой, если не позволяет боли терзать человека. Только неприятный треск ломаемой затылочной кости черепа всё ещё стоял в ушах. Не исчезал, не испарялся, будто именно треск ломаемого черепа был той самой страшной мукой, за которой приходит небытие. И тут вдруг пришла боль: Дикая, Беспощадная, Весёлая, Оранжевая. Она пляшет, кружится, вертится, кувыркается, не желает отпустить, хохочет...

Шура проснулась: на губах жалкий болезненный стон, даже хрип. Боль не проходит. Болят обе ноги ниже колен от удара бампером, а голова... голова течёт болью по подушке, жаркими волнами снизу, от конца позвоночника, где притаилась живая человеческая энергия Кундалини. Стервозная спазма замыкается где-то на затылке узлом разноцветных болей: каждая мучает по-своему. Эта хищная беспощадная свора набрасывается откуда-то из серой... нет! уже чёрной пустоты. На глазах выступают слёзы.

Обильные, горькие! Откуда они, от несказанной, нечеловеческой боли или жалости к себе-любимой? За что такие мучения? Чернота понемногу рассеялась. Оказывается, над Москвой давно уже колыхается утро, давно пора вставать. Шура с опаской ощупала голову. Никаких трещин. Потом согнула ноги: колени целы! Нет ни кровавых синяков, ни царапин, ни глубоких ран от удара. Так откуда такая неопишуемая нечеловеческая боль?

Ведь, если это сон, то все приключения, образы и фантазии должны остаться во сне, то есть в прошлом. Меж тем наваждение мучило её уже проснувшуюся. Откуда это? Даже в таком состоянии Шура попыталась понять, проанализировать сон, или, скорее, кошмар, посланный кем-то из Зазеркалья. Несмотря на реальные муки, девушка не оставляла привычку анализа. Вероятно, сказывалась наука Германа, разложить посланное видение по полочкам, либо её аналитический ум сам включался в работу независимо от ситуации. Что же произошло? Обычный сон? Но после обычного сна не бывает такой реликтовой боли! Шура застонала от новой судорожной спазматической волны, прокатившейся по всему телу.

– Господи! Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешную...

Боль немедленно откатилась, урча, как недовольная пума, щёлкая окровавленными клыками. Она, увязавшись за Шурой, как за недобитым подранком, ещё кружила какое-то время около сознания, потом исчезла, испарилась в джунглях воспалённого Шурочкиного воображения. Ведь человек не может заказать для себя какой-нибудь приключенческий, а, может, мистический сон-триллер или четыллер, и просматривать его по ночам, как стандартный сериал по телевизору!

Право слово, кто-то из древних мудрецов или же пророков говорил людям: проверяйте сны, от Бога ли они? Но как можно проверить сон на истинность? Любая истина приходит в мир как ложь или ересь, а умирает как банальность. Только кто же посылает человеку красочные многосерийные сны? Может быть, просто с головой какой-то непорядок? Но даже детям с раннего возраста всегда снятся красочные и удивительные сны, так что сказки про не цветные сны выдумали серенькие и неспособные на фантазию материалисты.

Говорят, всё это посылают людям из Зазеркалья – того таинственного параллельного мира, откуда человек приходит в эту действительность, как школьник в первый класс, и куда, в конце концов, уходит, то ли повышать образование, то ли повторять давно пройденное и неусвоенное. Но если сны не нужны человеку, как предупреждение о чём-то, как совет для избавления от грядущих неприятностей, то зачем их посылают? Ведь природу снов, как и творческих мыслей, не могут объяснить никакие знаменитые и уважаемые учёные...

Во всяком случае, Шура сама для себя определила, что с головой непорядок, что надо показаться психоаналитику. Потом, молитва эта, пришедшая как соломинка, за которую хватается утопающий, и которую Шура произнесла вслух. Откуда? Ко всяким молитвам, заговорам, сглазам девушка относилась скептически, если не снобически: всё это – словесная галиматья и бредятина. А разные духовные заумствования люди выдумывают для собственной уверенности, для успокоения, либо в погоне за весьма призрачной славой.

Правда, девушка не отрицала всяких там «зомби» вместе с сатанистами, давно уже официально открывшими свои моленные капища почти по всем странам планеты. Тем более что и Герман, уже спокойно приходивший к Шуре, не раз заговаривал на тему существующей религии сатанизма. Во всяком случае, он хотел вызвать девушку на интересующий его диспут. Но это никаким боком не касалось приходящих в сознание снов.

До сих пор девушка относилась к приходящим снам, а заодно и необъяснимые явления вместе с чудесами к явлениям гипнотического порядка, как минимум. Опрометчиво считала, что всё-де можно объяснить и исправить. Шура для полноты ощущений сваливала в эту мистическую корзину все существующие религии вместе с теологией, молитвами, ирмосами, кондаками... Вот опять! Что такое Ирмос? Кондак?⁸

Девушка могла поклясться, что никогда раньше не слышала этих слов, однако же, знала их хорошо! Откуда, из каких тёмных закоулков сознания выползли эти слова, ведь она их не знает?! Или всё-таки знает?! Может быть, Герман в своих оккультных беседах упоминал что-то подобное, и память автоматически отметила незнакомые слова? Вероятно.

⁸ Ирмос, кондак – церковные песнопения.

По мнению Карла Юнга, например, хотя язык символов и забыт, подсознание перегружено этими до поры до времени дремлющими знаками, но откуда они могли возникнуть в памяти? Откуда, если Шура о церкви знала только то, что да, существует такая организация, что в церкви молятся Богу, существующему неизвестно где, а тут...

Даже когда Герман начинал скучную трепотню о Боге небесном и земном, явно отдавая предпочтение последнему, Шура просто отключалась, думала о своём, или просто надиралась чего-нибудь покрепче. Хотя пьянела она достаточно редко, но была согласна даже на это, лишь бы не слушать философствования покровителя. Обижать Германа не хотелось. Но слушать то, что чуждо, что никогда в жизни не пригодится, было выше её душевных сил.

Герман Агеев возник в её жизни довольно давно, незаметно, но прочно. Собственно, после той жилищно-коммунальной вечеринки Алексей и Герман стали духовными пастухами вольной художницы, не претендуя, однако, на святая святых – духовную свободу Шурочки. И всё-таки, если Герман оставлял за девушкой возможность самостоятельного выбора, то Алексей Гиляров просто бездумно и безапелляционно командовал, мол, так надо и так будет.

Хотя... хотя разговоры Германа, его ненавязчивое со-чувствие, со-страдание незаметно делали своё дело. Девушка непроизвольно для себя раскрывалась перед ним, ища в отзывчивом собеседнике то ли опору, каковая важна любой одинокой женщине, то ли ждала от него каких-то откровений, граничащих с чудом. Гиляров не смог затмить Германа ни на йоту, потому как все мысли у него выше гениталий не поднимались. Возможно, и мозги находились где-то там же, даром не придумал ничего лучшего, как удрать от беременной Шурочки за границу на несколько месяцев, прихватив с собой посредственную декоративную мазню, яко бы на несуществующую выставку.

Вернувшись в Россию, Лёша готов был, скорее всего, отстаивать свою мужскую честность и непричастность, но Шура не любила воевать с подлецами. Не замечать Гилярова посоветовал и Герман, который тоже охладел к Новому Правлению жилищного кооператива «МСХ-2». Собственно, на улицу Брянскую он приходил теперь только к Шуре, благо, что та с каждым днём «набивала руку» и росла на глазах, как профессиональный художник. В этом Герман принимал непосредственное психологическое участие.

Внешность Агеева располагала, давала повод откровению: большие серые глаза на худощавом лице, обрамлённом аккуратной модной небритостью и хипповато-пепельными патлами не оставляли равнодушной женскую половину окружающего населения.

Не удивительно, что и Шура попала под это всеобъемлющее обаяние с той лишь существенной разницей, что для неё Герман был Великим Учителем жизненной мудрости, гуру вдохновения, махатма философского кредо, сенсей терпения, а как мужчина в прямом своём назначении, не воспринимался никогда. Она даже не хотела видеть его в этом амплуа.

На место домогателя и насильника годился, к примеру, тот же Телёнок Роби, из которого можно верёвки вить под давлением сексуального влечения, это он уже благополучно доказал, а Герман... Германа надо было слушать и слушаться, что не вполне устраивало свободолюбивую художницу.

Зачем ей свобода – Шурочка не знала и никогда бы не ответила. Но все её робкие попытки вырваться на волю, сбросить ненавязчивые навязнувшие цепи Агеевского внимания, заканчивались плачевно, обращаясь в тлен, прах и сырость. Герман хмурился, тихий голос его отдавал ледяным позвякиванием сосулек, которые тут же внедрялись в Шурочкино тело холодной сущностью своей куда-то между печёнкой и селезёнкой.

При этом начиналось досадное и болезненное посасывание под ложечкой, как у бывшего упыря, давно не вкушавшего от кровей человеческих. Этой хворобы Шура боялась больше всего. Она ломала психику девушки. Жгла. Душила. Выворачивала наизнанку, вытряхивала последние осколки света из больной души.

А заканчивалась хвороба часто одной только сыростью глаз. Но, наплакавшись, умывшись и приведя себя в порядок, девушка каждый раз размышляла, что сможет придумать Агеев для неё снова? И это ожидание было для художницы уже каким-то домашним ритуалом. Поэтому, Шура тянулась к Герману, как мотылёк на огонь, каждой клеточкой тела внимая его необычным речам, чувствуя при этом сладковатый дурмящий запах, превращаясь постепенно и незаметно в бессловесное, безответное существо.

– Моё время ещё не пришло, – как-то улыбаясь, сказал Агеев. – Придёт, и я помогу тебе стать настоящей художницей, мастером своего дела, хотя ты давно уже перешагнула заветную черту профессионализма.

Не было ничего в его словах сакрального, но Шурочке стало жутко. До сих пор Герман укреплял своё влияние большей частью разрешением Шурочкиных бытовых, поскольку она была человеком целеустремлённым, а потому иногда совсем беспомощным перед сермяжной правдой жизни. Поэтому видеть и принимать своего покровителя в другом образе, под иным ракурсом, для Шурочки было не совсем обычно.

Вот эта необычность и вызывала бессознательный страх, будто бы Германа обязательно надо было бояться. Но почему? Ведь от своего покровителя Шурочка до сих пор ничего не получала кроме реальной помощи.

Однажды, после удачной продажи сразу нескольких картин, гостем Шурочкиного дома оказался её новый знакомый – выставочный агент. После нескольких помпезных тостов и гламурного ухаживания взлетающая звезда над горизонтом русских художников чуть было не оказалась под своим огненапорным гостем. Разохотившегося мужика грубо сорвала с растрёпанной Шурочки рука Германа, неизвестно как оказавшегося в квартире.

Агент беззвучно открывал рот и уставился вытаращенными глазами на вынырнувшего из-подпространства сильного и опасного мужчину. Но Герман не думал с ним миндальничать:

– Слушай меня, осколок унитаза, сделай так, чтоб тебя искали, но не нашли. Ты понял?

«Осколок» понял, кивнул головой, быстро застегнул штаны и бросился к выходу. Шура даже сообразить ничего не успела, поскольку подвыпившая голова не сразу вникла в происходящее. Когда же и откуда возник Герман, ведь у него нет ключей от Шурочкиной квартиры? И как она сама чуть не превратилась в дешёвую подстилку? Всю квартиру наполнял смрадный запах, оставшийся после сбежавшего «осколка».

– Слушай, Герман, я...

– Не надо. Не объясняй ничего, – обрезал Агеев. – Я просто должен быть твоим наставником. Ты сама знаешь, что обязана пока что меня слушаться.

Да, Шура знала, что должна слушаться Германа. Но с какой стати? Почему-то этот факт память упрямо скрывает, прячет в тайники за семью замками, заливая поверху семислойным бетоном.

Кажется, почти беспрекословное послушание возникло после путешествия Шурочки по Африке, Саудовской Аравии, Израилю? Или раньше? Собственно, не так уж важно. Важнее другое: Герман помог избавиться от морганического мужа – да каким способом! – об этом многие долго будут помнить и не только москвичи, но даже те многочисленные россияне, которым удалось посмотреть удивительную телепередачу.

Возвратившись всё-таки из незапланированного длительного турне по заграницам, Гиляров сначала шарахался от Шуры при случайной встрече во дворе. Но потом, видя, что ему не высказывают никаких претензий, пообвыкся, осмелел и снова принялся «налаживать разрушенные мосты». Шура поначалу успешно играла роль неприступной обиженной дамы, и всё же однажды купилась на предложенные Алексеем билеты в небезызвестный Дом Литераторов, где в тот вечер давал творческий вечер сам Николай Караченцов, знаменитый артист «Ленкома».

Что говорить, вечер удался на славу, но после концерта опять состоялась пьяная встреча с пьяными друзьями в Пёстром зале Центрального Дома Литераторов. Шуре, как и раньше, пришлось ретироваться по-английски. Надо сказать, что каждая женщина в этом мире живёт надеждой. Вот и Шура понадеялась, что Алешенька вспомнит о дочке и у девочки появится хоть органический, но живой отец. А так кроме бабушки, да приезжающей раз в неделю мамы, ребёнок рос, не ведая, что такое папочка.

И вот однажды, после очередной пьянки муженёк снова явился к Шуре, на правах уже постоянного посетителя, чтобы на досуге выяснить кое-какие отношения. А у девушки хватило ума впустить его! Конечно, пьяный мужик – это даже не свинья, это гораздо хуже.

– Ты почему самовольно оставила меня в ЦДЛ после выступления Караченцова?! – предъявил Гиляров обвинение морганатической жене. – Ты выставила меня перед друзьями не в лучшем виде.

– Что же, прикажешь мне смотреть спокойно на ваши пьяные рожи? – спросила Шура. – Или ждать твоих ценных указаний?

– Да! Именно ждать указаний, – Гиляров поднял указательный палец вверх. – Ты давно уже безумно нравишься писателю Сибирцеву.

– Ах, это тот самый подлец, – вспомнила Шура. – Ты показывал мне его в ЦДЛ.

– Да? Показывал? – Алексей поднял мутные глаза на девушку. – Отлично, что показывал. Но он никакой не подлец! Он очень уважаемый писатель!

– Насколько уважаемый?

– Ты это поймёшь когда переспшишь с ним!

– Оказывается ты ещё и сводничаешь? – Шура брезгливо скривила губы. – Зарабатываешь себе статус писателя?

– Александра!! – повысил голос Гиляров. – Я тебя никогда ни о чём не просил. А тут – надо! Понимаешь? Он хочет именно тебя.

– А сам ты не желаешь снять штаны и заменить меня? Он не откажется. Да и тебе понравится.

– Я говорю, что Сибирцев тебя хочет! И он получит то, что желает! Я прав! – и Гиляров подтвердил свою правоту веским аргументом удара в левый глаз Шурочки. Потом преспокойно рухнул на кровать, деревянные ножки которой тут же подломились.

Шура, кляня себя, дурёху, на чём свет стоит, отправилась рыдать в ванную.

Девушку ударили по лицу первый раз в жизни! Это было до того обидно, унижительно, стыдно, что Шурочке ужасно захотелось взять на кухне здоровенный столовый ножик и всадить в храпящую задницу неблаговерного. Или пойти, привести Марину Суслову, его паспортную жену, и вежливо попросить забрать хулигана, пока за ним не приехали из вытрезвителя.

Выйти из себяжалейного состояния она смогла с большим трудом, услышав, как в прихожей заливается телефон. Звонил Герман. Надрывный, прерывистый голос Шурочки был великолепной иллюстрацией происходящего. Поэтому Агеев ничего не стал выяснять, выпрашивать и успокаивать. Сказал только:

– Я сейчас приеду.

Ждать пришлось недолго. Шура успела немного прийти в себя, что позволило ей более спокойно рассказать Герману о незабываемом приключении. Тот оказался настолько тактичным и чутким, что не разразился ни утешениями, ни жизненными советами – хотя, мы до сих пор живём в стране советов, а не баранов, как любил выражаться он сам.

Несмотря на своё отнюдь не шварценегтеровское телосложение, Герман довольно легко поднял буяна со сломанной кровати и унёс в ванную. Потом потребовал краски и простыню. В голосе его было что-то, что заставляло слушаться беспрекословно. Около получаса Шура ждала, нервно курила – одну за другой – но успокоения не было. Тогда она пошла на кухню, достала из холодильника водки, плеснула в стакан и сделала судорожный глоток.

В этот момент лязгнула задвижка в ванной. Шура выглянула из кухни и увидела любопытную картину: Герман нёс завернутого в простыню бузотёра на руках, как маленького ребёнка. Тому это, похоже, нравилось, потому что во сне Алёша бормотал всякую абракадабру, пытался даже запеть.

– Значит так, – тем же не принимающим возражений тоном произнёс Герман. – Мы сейчас уезжаем. Там в ванной – пакет. Выброси в мусоропровод. Его жене можешь ничего не сообщать, она и так всё узнает.

– Ты куда его увозишь? – поинтересовалась художница.

– Включи утром телевизор, посмотри новости.

– Герман! Что ты собираешься сделать?! – чуть не топнула ногой Шура. – Я не могу так! Говори немедленно!

Тогда он, не опуская своей ноши, внимательно посмотрел на предъявляющую права женщину, у которой от пронизательного мужского взгляда паркетный пол квартиры поплыл под ногами, закружился, будто детская карусель. Девушка под таким взглядом едва удержалась на ногах.

– С ним ничего не случится. Успокойся. Просто мальчик Алёшенька получит то, что заслужил. В этом мире за всё надо платить, – услышала она словно сквозь толстый слой ваты. – Ты за всё уже заплатила, а теперь настает пора этого мужлана платить по счетам. Не волнуйся, ложись спать, когда надо – проснёшься и всё увидишь.

Герман ушёл. А оставшаяся в одиночестве женщина долго ещё стояла посреди комнаты с недопитым стаканом водки в руке. Потом, безо всякой машинальности Шура поднесла стакан к губам, сделала глоток, другой. Водка не вызвала тёплой волны, как принято о ней писать. Вероятно потому, что была из холодильника и разливалась по жилочкам холодной волной. Эта волна привела, наконец, Шурочку в чувство: художница резво встряхнула головой, как застоявшаяся лошадь, огляделась по сторонам и потёрла ладонями виски.

– Так, – скомандовала она себе. – Надо сходить в ванну. Зачем? Ах, да. Ведь Герман просил выбросить какой-то пакет.

Девушка толкнула дверь. Пакет стоял посреди ванной комнаты, на полу. Шура осторожно заглянула в него: надо же знать что выбрасываешь! Это была вся верхняя одежда её неблаговерного!

– Господи! – взмолилась художница. – Что же Герман удумал? Куда же он Алёшеньку – нагишом?

С этой секунды Шура не находила места. Будто загнанная тигрица металась она среди своих бамбуковых зарослей – всё ждала, ждала. Вот уже небосвод посветлел, погас ядовитый подоконный фонарь на улице, возле Киевского вокзала завозились утренние поезда. Город оживал, начинал свою обыденную жизнь. Хотя нет, что-то в новой обыденной жизни было совсем по-другому.

Предложение Германа лечь и отдохнуть до утра Шурочку несколько не устраивало. Вернее, она просто не смогла бы заснуть. В таком, весьма возбуждённом состоянии, девушке удалось всё же задремать в кресле перед телевизором, но только на несколько минут. Во всяком случае, Шуре так показалось.

Разбудил её музыкальный сигнал утренних новостей. Включённый телящик доложил, наконец, первые, но самые последние новости. Телевизионный динамик прокашлялся и голосом диктора Киселёва стал оповещать: что было, что будет, чем сердце успокоится, начиная с заграничных сплетен, кончая отечественной новоиспечённой погодой.

Вдруг на экране возник фронтон Большого театра. Портик над входом... а на конях...

– Господи! – ахнула Шура. – Как он туда попал?

Телевизионщики явно развлекались, то, приближая, то, удаляя объект, пока не прибыла пожарная команда. Но факт, вот он! На коренном коне гипсовой тройки верхом сидел её неблаго-

говерный морганический муж! В обнажённом виде! Тело и лицо у него было размалёвано боевой раскраской ирокезов, а ноги – чтобы не удрал – стянуты под брюхом коня простыней. Герман... только как?!

Как он умудрился взгромоздить Гилярова на коня?! Ведь такое попросту невозможно!

Шура даже придвинулась ближе к телевизору, чуть не тюкаясь носом в экран, но это был Алексей Гиляров собственной персоной! Как такое возможно, Шура не понимала, да и потом никогда бы не смогла проанализировать ситуацию. Одно радовало: подлецу – подлеево!

Неблагодарный больше не смел показываться ни под каким видом. Но Герман получил в её доме неограниченную власть, тем более что Шура никак не могла, сколько ни пыталась, объяснить проделку с обидевшим её человеком. Мистика? Ерунда. Тогда как? Ведь нет же у Германа собственной пожарной машины! Левитацией Герман не владеет, крыльев тоже нет. Бред! Сам шутник старался не возвращаться к этому эпизоду. Спросил только:

– Девочка, ты почему гнидники Гилярова в мусоропровод не выбросила?

И это тоже: откуда он знает, что Шура ещё не выбросила пакет с одеждой в мусоропровод?

– Прости, Герман, – стала защищаться она. – Ты прав, уходя – уходи. Я сейчас же всё выброшу.

И скорёхонько выбросила все мужские вещи, залежавшиеся в этой квартире, всё, что было связано с позапрошлогодним мужем. Даже прилепив ему это одиозное определение – позапрошлогодний, – почувствовала себя много лучше. А когда пакет рухнул в чёрную пасть мусоропровода, появилось ощущение чистого тела, будто после настоящей русской бани.

Образы прошлого выплыли не просто так. Ныне Шура невольно сравнивала ласкового, нежного Телёнка с расчётливым, жёстким и правильным неблаговерным. Сравнение было явно не в пользу последнего, несмотря даже на то, что Роби удрал, не попрощавшись.

Телефон настойчиво возвращал её к жизни: красный от рождения он, казалось, ещё больше раскраснелся от натуги, подзывая хозяйку. Шура осторожно, боясь возвращения давешней боли, подобралась к телефону. Недовольный голос Германа несколько минут ворчал в трубке. Шура по обыкновению не очень-то прислушивалась – пошипит, пошипит, да перестанет. Потом сама прервала монотонную воркотню:

– Герман, милый, как хорошо, что ты позвонил. Я соскучилась.

Он сразу насторожился, почувствовал неладное:

– Что опять случилось?

Это «что случилось?» было уже совсем другим: искренняя непередаваемая забота, беспокойство, участие появились в голосе. За одни эти интонации можно простить несколько часов беспутной воркотни. Шура вздохнула и чуть не расплакалась. Потом принялась подробно рассказывать посланное ей во сне откровение о сером городе. Герман, внимательно выслушав, спросил:

– Может, в неудобной позе лежала? Нет? Тогда смею предположить, что сон относится к разряду пророческих.

– Каких? – ахнула девушка.

– Пророческих, – терпеливо повторил её собеседник. – Что ты удивляешься. Такие сны посылаются многим, только необходимо правильно понять его и не впадать в панику. Пока что покойников, как я понял, не ожидается и голосить не о ком. Что ж пугаться-то?

– Так привези мне какой-нибудь «Сонник», – тоном, не терпящим возражений, потребовала девушка. – Там, вероятно, есть что-нибудь похожее. Смогу я хоть где-то узнать, что мне приснилось?

– Александра! – одёрнул её Герман. – Ты как всегда впадаешь в крайности. Когда это происходит от невежества, то выглядит довольно глупо. К тому же в сонниках кроме бабского трёпа и поеденных молью советов не найдёшь ничего стоящего. Уж поверь, я знаю, что говорю.

Шура обиженно фыркнула. Спорить бесполезно – Герман более чем прав, только выслушивать всякие гадости в свой адрес или в адрес лучшей половины человечества не хотелось. Да, Герман имел особое место в её маленьком сердце, да, он многому учил, опекал свою подружку, но ведь надо же быть хоть чуточку тактичным и снисходительным, тем более к женщине! Чем ему не нравится «Сонник»?

– Между прочим, на последнем randevу ты обещал куда-то меня выгулять. Или я уже не достойна? – Шура намеренно сменила тему, тем более что Герман, как показалось, обещал что-то необыкновенное.

– Помню, помню, – подыграл он. – И слов своих на ветер не бросаю, ты же знаешь. Сегодня будь готова к десяти вечера. Я заеду за тобой.

Герман, не прощаясь, повесил трубку, оставляя Шурочке самой догадываться, куда можно забуриться на ночь глядя. Собственно, зланных ночных мест в столице предостаточно, но Герман намеренно избегал их. Более того, остерегал от этого Шурочку, хотя она тоже была не особой поклонницей шумного бомонда или ночных заведений.

– Всё, – решила девушка для себя, – отправимся на какой-нибудь спиритический сеанс. Что ещё он мне может показать ночью?

Если бы только знала Шурочка, как мысли её недалеки от действительности! Всё же посылают нам иногда предупреждения, что всё человеку позволено, да не всё полезно, то есть, всё полезно, да не всё позволено.

Загородный дом, куда привёз Герман свою подопечную, был похож на миниатюрный средневековый замок. Многочисленные башенки красного кирпича, стрельчатые окна, две массивные арки с коваными воротами, а по фронтому барельефы рыцарей с обнажёнными мечами. Эта помпезная лепнина возле ворот служила, несомненно, для соответствующего настроения посетителя. К слову сказать, соседние дома ничуть не старались походить на мрачную средневековую неприступность.

За высоким забором угадывался сад: видны были кроны каких-то деревьев. А поодаль от дома, но тоже на территории сада, поселился небольшой соснячок. Ну и что? Может, хозяин любит по грибы ходить, лишь бы не слишком далеко. Тем более, русские сосны очень объемно подтверждают средневековое резюме миникрепости.

Зато внутри дом ничуть не походил на свою мрачноватую наружность. Наоборот. Чисто выбеленные комнаты с претенциозно-модерновым современным интерьером возвращали из факельного средневековья к любимой лампочке Ильича. Только уют в комнатах всё-таки отсутствовал. Это нельзя было объяснить обычными словами, но вся убранность миниатюрного замка казалась, а, может, была наигранной.

Особенно это бросалось в глаза в большой зале, где происходил раут: красная драпировка на стенах напоминала бывший совдеповский флаг с развёрнутыми эмблемами – символами прошлого или грядущего? Вначале ряда символов красовался золотой беркут на круглом щите, за которым вертикально стоял меч; следующим был двуглавый орёл российской монархии – в конце ряда такой же, только без короны, державы и скипетра. Этакий ново-русский куриный мутант, вполне возможно, что он стал символикой после известной черныбыльской трагедии. А между орлом и двуглавой курицей втиснулся золотистый серп-молот, как бы расталкивая птиц своими острыми локтями. Над всем уважаемым демократическим собранием безмятежно царил треугольник с заключённым внутри человеческим оком, которое, казалось, приглядывает за ровным строем эмблем-символов.

Вечер был в самом разгаре и на вновь прибывших почти никто не обратил внимания. Герман усадил Шурочку в мягкое кожаное кресло, стоящее возле столика, на котором красо-

вались бокалы богемского стекла с уже разлитым шампанским и предупредительно разложенными по вазонам различными фруктами.

– Что есть мысль? – вопрошал собравшихся немолодой помятый господин в бакенбардах и лысине. – Мысль есть невысказанное слово, но слово – это уже программа, это образ, это исполнительная власть сущности. Разве может человек, не владеющий словом, достигнуть власти? Разве может слово подчиниться не властелину? Разве может этот мир обходиться без властелина, опираясь только на ненужную никому свободу?

– Что он мелет? – подняла Шура глаза на Германа, стоящего рядом.

– Не спеши осуждать. В его рассуждениях есть доля истины и немалая, – отозвался тот. – Это хозяин дома Пушкоедов. Я не успел вас раньше познакомить, но исправлю это сегодня.

– Кто, кто? – чуть не поперхнулась Шура. – Я не ослышалась?

– Пушкоедов. Литератор, – терпеливо пояснил Агеев. – Но ты ещё больше удивись, когда узнаешь, что литературное признание он получил, издав роман «Горе от капитанской дочки».

– Ты серьёзно? – уголки тонко очерченных губ девушки изогнулись в иронической усмешке. – Знала я когда-то одного литератора...

– Я стараюсь говорить более чем серьёзно, – ответил Герман. – Книга вышла на западе, в России её почти никто не знает. Но заботами автора, возможно, очень скоро и ты познакомишься с незабываемым опусом.

– Боюсь, что в России твоего литературного гения попросту закидают тухлыми яйцами.

– Ай-яй-яй, – Герман укоризненно покачал головой, – не читая – приговорила, не поймавши голубя – уже кушаешь.

– Каюсь! Может быть, я не права, – пожала плечами Шура, – но название...

– Название само собой вылепилось из фамилии, – пожал плечами Герман. – Причём, это не псевдоним. А фамилию он же не мог выдумать!

Меж тем Пушкоедов встал в позу и на слушателей обрушился его стихотворный фальцет:

Это моя боль!
Крысится треть строк,
а за углом – ноль
и в проводах ток.
Я без гнилых виз
вывезу фарс фраз.
Лифт полетит вниз
в каплях твоих глаз!

По залу прокатилась не слишком бурная, но дружная овация. Собравшимся явно понравилось словоблудие автора, вполне возможно, что многие из присутствующих тоже были профессиональными графоманами. А Шура, как художник, могла, конечно, допустить «видение» мира таким, каким изобразил его автор, но сама она была более реалистична, романтична, так что словоизвержение без смысла и напряжения вызвало у неё чувство похожее на зубную боль.

– Если у него и роман такой же, – Шура намеренно изменила ударение, – то вряд ли мне его читать захочется.

«Самая большая проблема в жизни для каждого человека – найти себе слушателя. Но это невозможно сделать, так как все остальные люди заняты тем же самым – поиском слушателей для себя, и поэтому у них просто нет времени слушать чужие бредовые идеи»⁹ – вспомнилась вычитанная где-то фраза. А хозяину дома для общения явно не хватало свободных ушей.

---

⁹ В. Суворов, «Аквариум».

Шурочка принялась разглядывать общество. Что говорить, собравшуюся публику рассмотреть стоило. Внимание её привлекла женщина, примостившаяся в кресле у окна. Та была удивительно похожа на школьную учительницу по кличке Очковая. Как же её звали? Кажется, Калерия Липовна. Впрочем – всё равно. Встретить школьную учительницу здесь просто нонсенс!

С учительницы девушка переключилась на более пикантную пару. По соседству одна глубоко декольтированная дама картинно отставляла руку с длинной сигаретой в длинном мундштуке, закидывала голову назад – «Ах!», приглашая своего соседа обронить вожаделенную слюну в глубокий овраг декольте, что тот и делал с превеликим удовольствием. Причём, оба отдавались своему флирту с нескрываемым самозабвением.

К тому времени Пушкоедова сменил уже новый оратор, ничуть не хуже предыдущего, так что вскоре Шурочке это прискучило. Недаром гостя опасалась пикантного сборища графоманов, где можно наслушаться всякого, кроме игры на инструментах духовности. Не подавая, однако, виду девушка присматривалась к гостям. Публика на этом званом вечере собралась довольно разношёрстная, но что самое удивительное – присутствующие не отличались изысканностью одежд. Скорее всего, собрание можно было назвать производственным, поскольку даже женщины в большинстве своём, не считая Шурочки, её авантажной соседки и ещё двух-трёх представительниц прекрасного пола, были без вечерних туалетов. Это выглядело странно, но, вероятно, отвечало стилю общества, куда привёз её Герман.

Если б не шампанское, то нашей искательнице приключений было бы совсем грустно. Тем более что она полдня перебирала свой не слишком богатый, но оригинально шокирующий гардероб, выбирая платье. После долгих сомнений, терзаний, раздумий было выбрано длинное вечернее платье плотного чёрного муслина с небольшим декольте, но зато с максимальным разрезом *di derriere*.¹⁰ Во всяком случае, в этом платье Шурочка чувствовала себя избранной среди серенькой толпы приглашённых.

Отправившись погулять по дому – тем более что Германа куда-то увели, а сидеть одной было довольно скучно – она шла походкой записной манекенщицы, толкая тяжёлый черный подол платья своими белыми коленями, словно ослепительный «Титаник», разрезающий чёрную холодную воду форштевнем, сияющий беззаботными огнями и не подозревающий о недалёком крушении.

В других залах народу было немного, всё больше прислуга, да и та клубилась поближе к главной зале, где продолжался вечерний сейшн. Снаружи дом казался миниатюрным замком с шестью – семью залами внутри на каждом этаже. Однако, сейчас Шура шла вереницей пустых комнат, разглядывая статуэтки, картины, гобелены и прочее убранство.

Залы разделялись, раздваивались, раstraивались, передавая, словно эстафету, залетевшую в их сонный сумрак красивую ночную бабочку с чёрными муслиновыми крыльями, пытаясь запутать её, сбить с пути, заманить в какую-нибудь западню. Но Шуру не надо было путать: она просто шла, гуляла, отдыхала от надоевшего шума званого вечера и ни о чём не думала.

Одна из комнат со стенами обитыми белым шёлком казалась будуаром невесты. Да вот и невеста: у противоположной стены в подвенечном платье блондинка. Но, заметив непрошеную гостью, девушка скользнула за занавеси. Шура думала было нагнать незнакомку, тем более что среди гостей этой дамы, кажется, не было. Потом здраво рассудила, что если человек сам избегает встреч – не стоит мешать, навязываться, нагружать собой.

В одной из комнат со стеклянным потолком был устроен настоящий зимний сад с множеством диковинных деревьев, кустарников и живописных цветов. Шура с наслаждением бродила по саду, вдыхая чудесный аромат неизвестных цветов, представляя себя, то принцессой в

¹⁰ Сзади (фр.).

замке Синей Бороды, то Настенькой, которая вот-вот набредёт на Аленький цветочек. Здесь-то её и отыскал Агеев.

– Не нагулялась ещё, красавица? – Герман вынырнул из-за куста, как чёртик из табакерки. – Нам пора.

– Мы уже уезжаем? Жаль. Здесь так хорошо! – Шура откинула голову, развела руки в стороны и закружилась на небольшой полянке, мурлыкая вальс. Герман некоторое время с удовольствием наблюдал за ней, потом поймал за руку:

– Дружок, нас ждут. Нехорошо заставлять ждать других. Пойдём. Обещаю интересную встречу с мистическим миром Зазеркалья.

Шура с сожалением бросила последний взгляд на заколдованный сад, где она так и не успела отыскать Аленький цветочек, но раз Герман говорит – надо идти. Они вошли в какую-то комнату, где прямо в центре красовалась винтовая лестница одним концом своим уходящая в верхние этажи, другим – в подвал. По лестнице не шумной, но вполне живой змеей сползали вниз гости.

В подвальном помещении тоже было что-то от жуткого средневековья, поэтому Шурочка зябко передёрнула плечами. Девушка с рождения гордилась пофигистским отношением ко всему, что случилось или может случиться. Но здесь и сейчас сработала внутренняя защитная интуиция – ощущение опасности – не подвластная никаким пофигизмам.

Стены красного кирпича в белой решётке скрепляющего раствора. По стенам чадающие факелы вместо лампочек. У дальней стены то ли алтарь, то ли жертвенник белого мрамора. Сразу за ним – трезубец, ручка которого переходила в крест, так что крест оказался перевёрнутым. Что-то знакомое почудилось в кресте-перевёртыше, но где она могла раньше его видеть? Этот жутковатый подвал вместе с обитателями внушили всё же что-то похожее на испуг и, если б не Герман, оставаться здесь Шура не стала бы ни за какие коврижки.

– Успокойся. Всё будет хорошо, – услышала она ровный голос своего друга.

– Что – хорошо? – прерывистый голос выдал волнение девушки.

– Я не стал тебе рассказывать раньше, чтобы зря не беспокоить. А сейчас..., – Герман ненадолго замолчал, потом, глядя в упор на Шуру, пронизывая её скользким взглядом анаконды, продолжил, – ... сейчас тебе надо пройти инициацию посвящения. Ты будешь посвящена владыке огня Тувалкаину, и он поделится с тобой огнём. В нём ты будешь черпать силу творчества, познаешь истинное созвучие красок, высоту проникновения в суть любой картины или портрета, изведешь пропасть души человеческой и увидишь её дно.

– Но зачем? – брови девушки поднялись вверх от удивления.

Герман, однако, не слушал, вычерчивая бронзовым жезлом, невесть откуда взявшимся в его руке, магические знаки вокруг головы Шуры. Глаза у него при этом засветились внутренним огнём, лишали воли, попытки сопротивления, даже возражения происходящему. Ей хотелось только одного: подчиняться любому требованию, быть послушной и пушистой.

Шура безропотно подошла к беломраморному пьедесталу, на лицевой стороне которого был бронзовый барельеф льва с человеческим лицом, а тело животного опутали кольца огромной рогатой змеи. Где-то Шурочка уже сталкивалась с такой символикой, только сейчас память не смогла напомнить ей информацию прошлого, да и надо ли?

Важен сам символ – борьба двух стихий, двух ипостасей луны, физического с духовным! Но почему вдруг эта мраморная тумба должна служить алтарём? Сомнения пропали, испарились, когда двое мужчин в чёрных подрясниках сорвали с неё платье и уложили на холодный отполированный камень. Стало ясно – это действительно жертвенник. Или алтарь. Только вот какого бога? К тому же, Герман обещал, что знакомство с мистикой будет интересным.

Страх не было, Шура скосила глаза, стараясь в полумраке подвала разглядеть участников грядущей мистерии. Все собравшиеся успевшие переодеться в бесформенные бесцвет-

ные балахоны, заполняли сплошной тёмной массой пространство капища, а по обе стороны от алтаря стояли в виссоновых мантиях Пушкоедов и Герман.

– Отец наш, великий и милостивый! – голос Германа прозвучал под сводами подвала, как раскаты далёкого грома. – Очисти душу мою, благослови недостойного раба твоего и прости всемогущую руку твою на души непокорных, дабы я мог дать свидетельство всемогущества твоего...¹¹

Он взял правой рукой с аналая, стоящего рядом, золотую пентаграмму, поднял её над головой и продолжил:

– Вот знак, к которому я прикасаюсь. Вот я, опирающийся на помощь тёмных сил, вот я – провидящий и неустрашимый. Вот я – могучий – призываю вас и заклинаю. Явитесь мне послушные, – во имя Айе, Сарайе, Айе, Сарайе...

Над алтарём пролетела птица, похожая на летучую мышь. Шурочка вздрогнула от неожиданности, потому что летучая тварь чуть не задела тело девушки кожистыми перепончатыми крыльями. А, может, это действительно была только безобидная мышь? Но за ней, загребая воздух краями, будто крыльями, пролетела пурпурно-лиловая материя, за которой, натужено вздыбливая воздух, показался петух в короне. Петух подлетел к алтарному инвентарю и уселся на перевёрнутый крест, то есть на трезубец, установленный в специальном отверстии, и похозяйски осмотрел свои владения.

Балахонная паства капища зажгла свечи, как это делают православные на Пасху, и каждый из присутствующих читал вполголоса нараспев то ли молитву, то ли мантру, так что получался ощутимый звуковой фон. Но звук множества голосов не вносил никакого диссонанса в общий ход чёрной мессы. Меж тем Пушкоедов, откашлявшись, продолжил заклинания:

– Во имя всемогущего и вечного... Аморуль, Танеха, Рабур, Латистен. Во имя истинного и вечного Элои, Рабур, Археима, заклинаю вас и призываю... Именем звезды, которая есть солнце, вот этим знаком, славным и грозным, именем владыки истинного...

Стена за алтарём стала прозрачной. Обозначившийся за ней коридор постепенно становился ярче, контрастнее, словно изображение, возникающее на фотобумаге. Подле одной стены коридора стояли в ряд статуи с человеческими телами и головами птиц, змей, животных. Напротив, у другой стены, стояли человеческие скелеты с глиняными табличками в руках. На каждой табличке сверкали золотые письма, но только разобрать написанное издали было невозможно.

В глубине коридора показался человек верхом на льве. Вернее, это был призрак, потому что тело всадника просвечивалось и хриплый громкий шёпот, словно внезапный порыв ветра, заглушающий монотонные мантры, пронёсся под сводами капища:

– С вами Бараланиенсис, Балдахуиенсис, Паумахийе. С вами сила их и свет невидимый. В этом мире, в inferнальной видимости, в невозможной суете, ненаписанным именем под гласом изувера Иговы, под звуком которого содрогается планета, мельчают реки, испаряется море, гаснет пламя, и всё в природе познаёт расщепление, говорю: да будет так.

Прозвучавшие с разных концов капища пронзительные звуки труб заставили молитвенников заткнуть уши. Но ещё сильнее прозвучали клубящиеся звуки громовых разрядов и треск электричества. Над алтарём под тёмным стрельчатым сводом опять происходила какая-то возня, будто там устроили молчаливую драку несколько теней, деля меж собой приносимую жертву.

Вдруг всё резко стихло, свалившиеся тишина давила даже больше на разум, на психику, чем шумная возня теней, но где-то далеко послышалось заунывное нестройное пение, как бы продолжающее молитвенное бормотание капища. Пение становилось громче, только слов разобрать нельзя было по-прежнему, появилась лишь пронзительная нота, похожая на последнее

¹¹ Здесь и далее: заимствовано из подлинных источников.

прощание отлетающей души. Недовольной медью ударил колокол. Пламя факелов, развешанных по стенам, качнулось под выползшим откуда-то сквозняком.

Это лёгкое движение воздуха вернуло вдруг запоздалое чувство стыда. Шура хотела было прикрыть своё обнажённое тело руками, но с удивлением обнаружила, что оказалась прикованной к жертвеннику: по сути – распятой на нём. И тут пришёл страх.

Настоящий.

Дикий.

Первобытный.

Захлёстывающий разум и сознание, подстрекающий к сопротивлению, к защите, к попытке спастись. Но всё было тщетно. Оковы прочно держали пленницу на алтаре, готовя её к торжественной развязке. Шура инстинктивно пыталась закричать, позвать на помощь, но голос отказался повиноваться. Сквозь губы навстречу лёгкому подвальному ветерку взлетел только глухой хрип, ничуть не похожий на человеческий голос.

Меж тем в руках Германа вместо бронзового жезла сверкнул тусклым безразличием короткий меч. Держа его двумя руками перед собой остриём вверх, он читал едва слышно какие-то заклинания. Голос постепенно становился громче, вскоре уже можно было различить слова:

– ...да бых дщерь отселе престала преть длани Денницыны, дабы угодбилися удесы ея¹² ...

Одновременно усилилось пение и Шура, очумевшая от страха, но ещё не совсем утратившая способность воспринимать окружающее, увидела выходящих откуда-то из темноты, как из тусклой морской волны, девушек в золочёных пышных одеждах, от которых побежали огненные блики по стенам. Они держали в руках хоругви с изображениями Агнца, Овна, Льва, Лилии и Пчелы. Потом валькирии окружили алтарь, пение стихло. Напротив Германа по другую сторону жертвенника стоял Пушкоедов. В его руках трепыхался белый голубь. Снова прозвучал голос Германа:

– Прими, владыка, посвящённую тебе жертву и возроди её огнём твоим...

С этими словами Агеев взмахнул мечом, Шура завизжала – голос всё же вернулся к ней – и в следующую секунду голубь в руках Пушкоедова, рассечённый надвое, пролил тёплые струи крови на обнажённое тело девушки, дергающейся, будто в предсмертных судорогах на белом мраморе алтаря. В гаснущем сознании Шуры возник Герман, размазывающий голубиную кровь по её телу. Стоящие вокруг одалиски снова запели какой-то языческий псалом, но Шура ничего уже не слышала: психика, сначала приведённая Германом к полному безразличию, взбунтовалась. Сознание отключило разум, оберегая его от сумасшествия.

---

¹² Угодбилися удесы ея (др. русс.) – оживились все члены её тела.

Глава 4

Действительность возвращалась толчками, будто пробиваясь в сознание с порциями крови, упрямо проталкиваемой по артериям человеческого организма ещё не угаснувшим сердцем. Перед мысленным взором девушки до сих пор танцевали по кругу эфемерного странства золотые девицы с хоругвями, а в центре стоял Герман в алой порфире с надетой на голову короной, на которой красовался урей¹³ в боевой стойке.

Агеев вновь хищно пронзал Шурочку невозможным остекленевшим взглядом, от которого бежать – не убежать, да и крик в горле комом. Но сквозь хороводную неразбериху образов пробивался другой, новый. Шурочке казалось, что в этом невозможном космическом хаосе сквозь неразбериху пробивается растение похожее на подснежник, с которым соседствует лёгкое дуновение весеннего ветерка. Это был уже осязаемый образ: рядом с ней возле кровати, где Шурочка лежала на спине, раскинув руки, оказалась сидящей красивая блондинка в подвенечном платье. Во всяком случае, кружевное платье девушки из тонкого шифона с глубоким декольте и открытыми плечами мало походило на больничный халат сиделки.

Сама кровать была широким лежбищем с нависающим над ним балдахином. На таких кроватях когда-то почивали какие-нибудь Людовики или Кайзеры, поэтому русская художница ощутила себя в стерильной постельной пустыне одиноким чахлым деревцем, пробившимся из под холодных ледяных торосов, чтобы наконец-то увидеть солнце.

Но что кровать? Сидящая рядом была апломбом пробуждения. Девушка оказалась той, которую Шурочка видела в своих блужданиях по заброшенному дому. Те комнаты, запомнились ей как гирлянда нескончаемых помещений, больше похожих на один сплошной коридор. Промелькнувшая где-то там девушка да ещё в белом подвенечном платье не могла не запомниться. Красавица заметила, что Шура пришла в себя и мило улыбнулась:

– Ну вот, наконец, ты и очнулась. Тяжело было?

Не ожидая, видимо, ответа, она отёрла лицо больной полотенцем, смоченным ароматическим уксусом и продолжила:

– Страдалица ты моя. То есть не моя. Ко мне в гости собираться не стоит, да и рано тебе, поживи ещё. Я ведь вовсе не мегера какая, и не скелет с косой. Ой, как меня люди только не обзывали, какие только прозвища мне не придумывали, обидно даже! Ведь каждый приходит в этот мир только потому, что заранее соглашается на встречу со мной. Отчего же все от меня шарахаются? Особенно материалисты боятся. Глупо, правда? А ты верующая?

Шура ничего не ответила. Она во все глаза смотрела на незнакомку и молчала, боясь поверить в её признание. Ещё Шура молчала не потому, что ответить было нечего, а просто человек обычно не сразу въезжает в происходящее. Для осмысления время надобно: кому больше, кому меньше. Да и о чём с ночным видением разговаривать? Хотя где-то когда-то Шура слышала, что это возможно, но не верила. Или верила?

Собеседница снова мило улыбнулась, чисто по-женски поправила причёску, подоткнула одеяло.

– Знаешь, это даже хорошо, что мы встретились, – продолжила она. – Иногда так одиноко бывает, впору расплакаться. А вот так по-бабьи с кем поболтать – вовсе редко случается. Так что не сердчай за моё многословие, каждый ищет свободные уши, чтобы высказаться, чтобы выслушали. Вот и я такая же, ничто человеческое мне не чуждо. Жаль, уходить уже пора, но на прощание утешить могу: не скоро вдругорядь свидимся, и не спеши ко мне в гости. А потому остерегайся знакомого по имени Роберт. Ты ещё не всё в этом мире сделала. А каждый за свою

---

¹³ Урей – кобра, изображалась на клафах, двойных коронах фараонов, символизирующих власть над Верхним и Нижним Египтом.

жизнь должен расплатиться не только оставленными детьми – дурное дело не хитрое. Человек обязан подарить миру часть своего внутреннего «я», то есть душевной радости, а не разливать потоки горечи, скорби и крови...

Послышался звук открываемой двери. Шура повернула голову: в комнату вошёл Герман. Он не спеша, закрыл за собой дверь, повернулся и сделал несколько шагов. Потом заметил, что лежащая на кровати девушка очнулась, и постарался изобразить дежурную улыбку. Шурочка попробовала подняться на подушках, с удивлением отметив, что сиделка, только что находившаяся рядом, вдруг исчезла, испарилась неизвестно куда, будто её и не было.

– Лежи, лежи! – запротестовал Герман, останавливаясь в ногах кровати, глядя на подружку уже совсем по-иному, можно сказать, по-домашнему.

Нет, лицо Агеева совсем не изменилось: всё те же большие серые глаза на лице с модной небритостью на щеках. Вообще-то небритость превратилась в аккуратную небольшую бородку, но так было даже лучше. Он смотрел тепло и ясно, так что всё происшедшее показалось дурным сном, наваждением, дантовым кошмаром десятого или одиннадцатого круга, но никак не реальностью.

– Я тебя не хотел тревожить. Всё-таки отдых необходим после мистерии посвящения, а тебе – особенно, – голос у Германа тоже был прежний, родной. Всё как всегда, как раньше. Что же случилось? Может, действительно галлюцинация или болезнь?

Но так явственно? чувственно? осязаемо?

– Тебе это не привиделось в кошмаре, – ответил Герман на немой вопрос. – Ты прошла обряд посвящения и сила, дарованная тебе отныне, превратит твоё творчество в волшебство. Любой шаманский обряд, христианская литургия или месса посвящения – это оживление символов инфернального мира. Именно они помогают разбудить дремлющие в человеке потаённые силы. Хотя язык символов основательно забыт, подсознание перегружено этими до поры до времени дремлющими знаками. Сегодня просто была разбужена эта часть твоего эго, то есть, собственного «я». Увидишь, очень скоро картины твоей кисти будут верхом совершенства и самым настоящим венцом искусства. Тебя ждёт великое будущее! Сможешь радовать своим искусством всех окружающих.

– А я просила об этом?! – Шура села на кровати, но, заметив, что до сих пор обнажена, снова закуталась в одеяло. – И принеси мне одежду. Немедленно! Хорошенького понемножку. Обойдусь как-нибудь без твоей драгоценной дружеской помощи!

– Что с тобой? – удивился Агеев. – Что-нибудь не так?

– Ты зачем устроил маскарад невидимок?! Бесовское театрализованное представление?! Я тебе не кролик подопытный для подобных мистерий! – Шура дерзко вскинула голову, пытаясь помахать хоть немного кулаками после состоявшейся драки.

Но, встретившись с глазами Германа, снова ставшими на какое-то время холодными и скользкими, как тело гремучей змеи, ступевалась, замолчала, опустила голову. По спине, вдоль позвоночника, пробежали знакомые холодные мурашки. Такое с Шурой случалось только в очень неприятные минуты, когда женская интуиция сообщала телу о реальной опасности.

Скользнув взглядом по необъятной постели, она заметила полотенце, оставленное девушкой. От него до сих пор ещё пахло ароматическим уксусом, и запах освежал, прояснял мысли и чувства. Грозовая пауза затягивалась, а Шурочке вдруг совсем расхотелось ссориться. Ведь ничего, собственно, страшного не произошло!

Ну, обряд, ну посвящение. Сейчас многих посвящают кого в масоны, кого в художники, кого в дружбаны президента. Вон, первый президент Ельцин, вернувшись из Америки, сфотографировался в масонском плаще, и рожа при этом у него сияла, как начищенный пятак. А его ленинбургский наследник, похоже, не на много отстал от своего учителя. Может, не всё уж так страшно?

– Кто здесь был? Что за девушка? – перевела она разговор на более безопасную тему.

– Ты о чём? – не понял Герман. – Какая девушка?

– Да вот эта, сиделка твоя, – Шура показала на полотенце. – Она была тут, ухаживала за мной. Всё это, конечно, довольно мило с твоей стороны, но лучше не надо было доводить меня до такого состояния. Во всяком случае, вполне можно предупредить меня о каких-то там мистериях заранее. К тому же я не тяжко больная, чтобы сиделку приставлять.

Где-то в глубинах сознания девушки всё ещё ворочался недовольным червячком, давал себя знать нездоровый свободолюбивый протестантизм, когда хочется всё крушить, всех зарезать. Поэтому просто необходимо было хотя бы просто поворчать. Пусть не по поводу мистерии, так хотя бы по поводу сиделки!

– Но в этой комнате никого не было, уверяю тебя, – Герман пристально посмотрел на Шуру. – Я сам закрыл дверь ключом, когда оставил тебя здесь.

– А это откуда? – Шура вновь ткнула пальцем в полотенце.

– Это я тебе на лоб положил, чтобы быстрее в себя пришла. Да и отсутствовал-то я всего ничего, так что сюда никто не мог войти. Тебе, скорее всего, что-то опять привиделось.

– Привиделось? – хмыкнула девушка. – Ну да, к ней в гости собираться не стоит, рановато мне.

– М-да, – Герман прошёлся по комнате, налил из сифона, стоящего на журнальном столике с кривыми ампирическими ножками, воды, но пить не стал. Вернулся к Шуре, приподнял ей подбородок двумя пальцами, заглянул в глаза.

– Чрезмерная эмоциональная и психическая нагрузка. Ну, ничего. Отдохнёшь денёк-другой, всё придёт в норму, снова будешь белой и пушистой.

– И дерзкой? – кисло усмехнулась Шура.

– Всенепременнейше! – подхватил Герман. – Благодарить ещё меня будешь за заботу. А сейчас я пойду, распорядюсь насчёт твоей одежды.

Дверь за ним тихо закрылась. Шура встала. Босиком прошлёпала к зеркалу в такой же витой раме, как и ножки у журнального столика и принялась с удивлением разглядывать отразившуюся в нём почти незнакомую красивую статную женщину. На смуглой коже почти не было морщинок. Даже на шее! Пушистые чёрные ресницы, блеск растерянных глаз видела она в зеркале и не могла поверить. А брови! Из выщипанных капризным изломом превратились в нетронутые тонко очерченные, как у молодой девочки.

– Господи! Что это?..

Денёк-другой, обещанный Агеевым, обернулся в месяц-два, поскольку Шура была вроде бы заряжена какой-то необъяснимой энергией. В самое необычное время она вдруг начинала писать. Иногда, в глухие неурочные часы девушка неожиданно для себя, как заведённая кукла, бралась за работу. Но кисть вдруг падала из рук, весь свет становился не мил, за окном кричал очередной петух очередного дня. И жизнь кончалась, затухала до вечера, до самого того времени, пока павлиний хвост полночи не прохаживался нежным опереньем по окошкам берложьей-мастерской, не будил в Шурочкиных закоулках душевных новое в новом, истинное в истинном. Вот тогда для неё наступал очередной момент неистовства.

Она жила затворницей, не ощущая потребности общения с себе подобными. Даже дочка с матерью выветрились из сознания, будто живущие где-то в другой стране или на другой планете. Лишь на горизонте сознания, на окраине человеческих чувств, как неотделимая часть отделённого прошлого, мелькал иногда Телёнок Роби.

Но Телёнок тоже исчезал, едва успев лизнуть пространство мокрым шершавым языком да промычать что-то невнятное. Шура не ведала, просто не хотела знать, что творится в подлунном. Телеящик или мусоропровод, как она иногда называла телевизор, пылился в изгнании – мордой в угол.

И только всё возрастающая потребность – работать! – радовала её смятенное сознание. Она снова и снова бралась за кисть. Переделывала какие-то старые работы, начинала новые, один раз даже ездила на этюды в Звенигород. С каждым днём, с каждым часом всё явственнее чувствовала она разгорающийся внутренний огонь, требующий выхода, выплеска на холст, в какофонию красок, образов и творческих мыслей.

Как-то, бродя из угла в угол по царству Хламорры, Шура наткнулась на портрет, долго смотрела, задумчиво накручивая, раскручивая, накручивая снова на указательный палец кончик собственного локон. Потом, вытерев лоб тыльной стороной ладони, взяла портрет и решительно потащила к мольберту. Портрет? Собственно, это был ещё обыкновенный подмалёвник, изначальный набросок. Незадолго до того, как Герман заманил её на мистерию духов, он предложил написать этот портрет.

– Послушай, девочка, как ты относишься к творчеству Врубеля? – вопрос задан был как бы невзначай, чисто риторически.

– Кого? – спросила Шурочка, будто не расслышав вопроса.

– Врубеля, – повторил Герман. – Никто в этом мире не относится к этому художнику однозначно.

– Не знаю, почему ты спросил именно о нём, – отрешённо пробормотала художница, – но я когда-то виртуально была в него влюблена. Все его демоны, приправленные Лермонтовской поэмой, с детства будоражили моё воображение. Потом влюбилась в прекрасного художника Андрея Ковалевского. Почему-то его работы мне казались связанными неразрывными узами с творчеством Врубеля, хотя в образах картин ничего похожего не наблюдалось. И однажды я даже стихи Ковалевскому написала:

Я вовсе не лезу из кожи,
взвалив непохожести груз.
Но, Боже мой, как же похожи
миллионы блистательных муз.
И я умираю от боли
миллионов протянутых рук.
Какие-то странные роли
игриво играют вокруг.
В кипение жизни, как в тину,
я кину оставшийся рубль
И демон напишет картину
с названием
«Поверженный Врубель».

– Bravo! – Герман театрально зааплодировал.

– Я понимаю – белиберда, но тогда мне это казалось находкой, – извиняющимся тоном промолвила девушка. – Просто каждый автор всегда верит в свою необычность и астрономическую талантливость, какие приходят на границе с гениальностью.

– Не скромничай впустую, вещица получилась занятная, – обрезал Герман. – А спросил я о художнике вот почему: известно, что и Врубель, и Дюрер, и Босх, и ещё косой десяток художников были довольно набожны, но писали демонов. Ну, может, не совсем демонов, но жильцов только infernalного мира, то есть, проклятых ангелов. Не странно ли?

– Ничего странного, – пожала плечами художница. – Все писатели, музыканты, а тем более художники очень легко проникают в infernalные и параллельные миры, по себе знаю, так что созданные образы гораздо более реальны, чем все вместе взятые материалисты, реалисты и атеисты. Кстати, атеизм – тоже вера, только с обратным знаком.

Герман кивнул: такой ответ его явно устраивал.

– А ты не хотела бы попробовать свою кисть на эту тему?

– Я? – удивилась Шура. – У меня немножко другое амплуа. До сих пор я пыталась показать ранимую и довольно уязвимую душу любящей женщины под ракурсом ещё никому неизвестным. Признаюсь, хоть я и женщина, но той же Серебряковой удаётся много лучше меня передать истинную сущность женщины. Притом, отпадшие ангелы, или их ещё называют аггелами, слишком серьёзная тема. Боюсь, не получится.

– Получится, – заверил Агеев. – Получится. Теперь у тебя будет многое получаться, только не теряй уверенность. Это тоже вера и самая важная в жизни человека. Разве не так?

Его слова не были наигранными: Герман всегда знал, что делал и говорил, а тон, каким это было сказано, заставил поёжиться.

– Откуда ты знаешь? – поинтересовалась девушка. – Говоришь так уверенно, будто гадал на картах или тайком от меня приподнимал недоступную занавесь будущего?

– Знаю, – снова кивнул её собеседник. – Считаю, что я твой заказчик. Нужно написать портрет. Портрет Сатаны.

– Кого? – Шура от неожиданности даже поперхнулась. – Кого? Сатаны? А позировать кто мне будет? Дьявола позовёшь? Или inferнального аггела с удивительно прекрасным свиным рылом? Или ты себя на трон князя мира сего посадить пытаешься?

– Ну-ну, остынь немного. Ты прекрасно слышала, кого надо изобразить, – примирительно проговорил Герман и даже погладил Шурочку по голове. – Понимаешь, это должен быть не просто портрет – это должна быть настоящая икона. Только не прими свою работу за какое-то служение злу или тёмным силам. Всё не так прямолинейно, как привыкли толковать ортодоксы. У любой медали две стороны, в каждом человеке две ипостаси, два начала. Существуют и день, и ночь. Всё это создано Всевышним, значит, для чего-то и должно существовать неразрывно одно от другого. Вполне возможно – для воспитания души человеческой. Согласись, что если бы Сатана не нужен был Вседержителю – его бы не было. Так?

Шура неуверенно кивнула.

– Егго: этот ангел нужен Господу! – резюмировал Герман. – Пусть падший, пусть никакой в своей гордыне, но ведь нужен же! Если бы он не был нужен, то Саваоф отпавшего ангела мог бы давно уничтожить. Ты об этом не думала? Причём, Всевышний никогда не отнимает возможности покаяния. Даже у оступившихся ангелов. Кто знает, может, и этот покается. Меж тем у него нет нынче никакой иконы, а он князь мира сего, князь воздушный. Мы живём в его мире, и он достоин иметь свою икону!

– Где, говоришь, живём, в аду что ли? – кисло улыбнулась Шура. – Ведь Бог низверг Денницу в Преисподнюю – в Писании сказано.

– Пусть так, ядовитая ты моя, – согласился собеседник. – Тем более надо написать ему икону. Знаю, задача не из лёгких, но, согласись, стоит того, чтобы попробовать. А тебе самой будет даже интересно. Тем более, что ты будешь единственной, сделавшей такой рискованный шаг. Но кто не рискует, тот не пьёт шампанского – гласит старая истина. Притом, икону Сатане ещё никто не писал – ты будешь первой! На это тебе нечем будет возразить, да и возражать весьма трудно, так что соглашайся.

Шура послушалась своего наставника. Не то, чтобы сразу вспыхнула этой inferнальной идеей, просто, чтобы Герман отвязался. Он своим ненавязчивым давлением уже начинал доводить Шуру до нервного состояния, и художница решила выполнить просьбу с тем, чтобы избавиться навсегда от дальнейшей непрошеной мужской дружбы.

Для начала девушка перечитала гоголевский «Портрет», «Мастера и Маргариту» Булгакова, не забыла также «Франкенштейна» и «Портрет Дориана Грея». Потом пошла в библиотеку, целый день листала альбомы с репродукциями Босха, Дюрера, Врубеля.

Придя домой, прокрутила несколько раз диск с концертом Вагнера. Музыка больше всего повлияла на психику девушки. Возник нужный настрой, именно тот, inferнальный: не выключая музыки, художница, невольно принимая участие в несравненном полёте валькирий, сделала несколько набросков ещё не возникшей в сознании иконы.

И вот этот образ, который она держала сейчас в руках, получился наиболее удачным: на нём стало проявляться лицо, смотреть на которое без содрогания было невозможно. Только Шуру, как автора, это не устраивало. По её мнению лицо изображённого было мёртвым. Может быть, не совсем мёртвым, но без той «искры Божьей», которая даёт почувствовать внутренний огонь. Хотя какая «искра Божья» может быть в глазах, либо в уголках искривлённых губ отпавшего ангела? Недаром в Евангелии говорится, что дьявол – это обезьяна Бога. В конце концов, художница забросила портрет в другую комнату, постаралась забыть об этих неудавшихся пробах, потому что её страшно раздражали работы, которые не получались.

Потом была сатанинская месса, то есть мистерия посвящения. Видимо Герман обо всём догадывался, иначе, зачем бы ему совершать над ней обряд мистического посвящения? Тем более, что Шура доверяла больше Богу, чем Сатане. Ведь князь мира сего никогда не сможет дать доступ к тому сгустку энергий, какой здесь, в его владениях, напрочь отсутствует и является именно как дар Свыше.

И вот сейчас пришло желание попробовать свои силы снова, тем более, в последнее время художнице работалось как никогда – Герман не обманул. Важно, что работы получались не дешёвыми поделками, а каждая удивляла Шурочку своей непредсказуемостью. Действительно, её наставник постарался распалить в девушке настоящий талант, и ради этого стоило отблагодарить Агеева.

Установив портрет на мольберте, Шура опять включила «Полёт валькирий», но к работе долго не приступала – вживалась в образ. Стать творцом дьявола! – от одной этой фразы становится не по себе. Но желание свершить что-то грандиозное на этот раз было намного сильнее всяческих отговорок. Ведь ничего не получается только у того, кто ничего не делает, либо ищет весьма уважительную причину, чтоб ничего не делать.

Художница по такому случаю даже антураж для себя подобрала особенный: чёрная водолазка с вырезом на груди в виде капли, чёрные кожаные джинсы со шнуровкой по бокам, а лоб перетянула красной лентой, прошитой золотой нитью. На ленточке были изображены какие-то восточные символы, но для Шурочки это показалось в самый раз!

Ещё немного задержала важная дума, стоит ли надевать туфли?! Только решила всё же, что для портрета, к тому же ещё не написанного, – слишком большая честь. Мягкие лохматые тапочки, правда, не очень подходили к одеянию, но это не слишком важнецкая суть. Главное – общий настрой был, значит, должно быть и всё остальное.

Самым главным в её настрое было отключение от суеты, от мира, но она об этом даже не задумывалась. Просто чувствовала какую-то искру, вспыхнувшую в сознании, очень похожую на новогодний бенгальский огонь с одним лишь отличием: полыхание бенгальских огней вызывает улыбку, щенячью радость, ожидание чего-то большого, радостного.

Здесь же появилось чувство опасности примерно такое же, когда охотник идёт по следу тигра, зная все его подлые кошачьи замашки, ожидая с любой стороны в любую секунду прыжка, держа наготове скорострельный карабин, который зачастую оказывается бесполезным. И тогда только широкий армейский тесак способен решить исход схватки. Этим тесаком у Шурочки был набор беличьих кистей. Она начала разводить краски, но вдруг откуда-то из Зазеркалья снова неожиданно вынырнул Телёнок.

– Тебя мне только не хватало! – заворчала Шура. – Сгинь, растлитель подлый!

Образ Телёнка Роби послушно убрался обратно в подсознание, оставив после себя вонючий след безосновательной тревоги. Шура, чтобы поправить положение, пошла на кухню, налила себе фужер водки со льдом – это подействовало.

Пора было возобновлять «внебрачные отношения» с портретом. Жизнь её текла уже в ином измерении, в ином русле, в иной ипостаси, в ином понимании, но сейчас это была норма, значит, и говорить не о чём. Шурочка подошла к портрету и вгляделась в ещё недописанный лик. И – о, диво! – увидела чуть заметную усмешку, скользнувшую по губам изображённого на портрете. Но девушку это ничуть не удивило. Наоборот, желание закончить портрет полностью захватило её психику и превратилось в единственное и естественное стремление.

Углубляясь в работу, девушка с удивлением отметила, что её сознание раздвоилось: одна ипостась с увлечением, даже с ликованием, углубилась в работу; другая, глядя на это с ужасом откуда-то со стороны, абстрагируясь от настоящего тела, чуть ли не с потолка, крестилась «Господи, помилуй! Буди милостив мне грешной!».

Это неизвестно откуда взявшееся «Господи помилуй!» тоже мешало, раздражало. К тому же первая половинка художницы чувствовала в воздухе запах жасмина, а вторая – кислый запах пожарища. Поэтому Шура приложила все усилия к тому, чтобы вторая ипостась убралась вслед за Телёнком. Это было необходимо, так как исход работы зависел от полного энергетического вклада в работу. Так работают все творческие люди.

Взяв, таким образом, себя в ежовые рукавицы, девушка накинулась на портрет со злобой голодной волчицы. А тот, будто только этого и ждал, принялся помогать своей создательнице словом и делом. Связь настолько стала реальной, что Шура слышала его ненавязчивые пожелания.

К тому же, если очередной штрих художница пыталась положить по-своему, решительно ничего не получалось. Это «совместное творчество» сначала забавляло, потом испугало, потом привело к иступлению, когда всё уже до лампочки – будь что будет.

После того, как Шурочка окончила выписывать глаза в первом приближении, на неё, словно вихрь, налетело желание пойти на кухню. Это было даже не желание, а будто чей-то бессловесный приказ, который нельзя было не исполнить. Девушка послушно отправилась к холодильнику, открыла его и снова налила себе водки. Залпом осушив стакан, она не стала ничем закусывать, а достала из холодильника бутылку коньяка, наполнила тот же стакан до половины и почти бессознательно понесла в комнату. Дойдя до портрета, художница отвела руку в сторону и с силой плеснула коньяком в уже получающийся образ. Коньяк попал точно в цель и некоторые струйки спиртного размазали уже выписанные черты лица, но в то же время на создаваемом образе возникли другие черты. Лицо не утратило своего выписанного выражения, но приобрело совсем другой смысл.

Девушка только сейчас сообразила, что она сделала. Но почему! Наполнила стакан коньяком и выплеснула в лицо выдуманному образу Сатаны, будто бы выполнила чьё-то желание! И портрет при этом удовлетворённо улыбнулся, будто спиртного ему только и не доставало для укрепления своей личности! Девушка выронила стакан. Он, ударившись об угол мольберта, отскочил в сторону и, подкатившись к медвежьей шкуре, замер.

К утру, Шура всегда чувствовала себя сразу на десять выжатых лимонов, а сейчас – на целую лимонную рощу. Художница опустилась на пол тут же у мольберта, прислонившись спиной к радиатору батареи, прикрыв веки. Перед глазами плавали бело-розовые пятна. Их соединяли изогнутые темные линии, смахивающие на ветви диковинного дерева. Ветка сакуры – отметила Шура с улыбкой. Надо же, мне, хоть и виртуально, но дарят цветы.

В этом состоянии «обалдёжного отдыха» девушку обнаружил Герман. У него давно уже был ключ от квартиры и исключительное право являться в любое время. Первым делом он поднял Шуру с пола, отнёс на стоявшее недалеко канапе, укрыл аляповатым – в красную и синюю клетку – пледом. Девушка, скорее всего, даже не почувствовала перемещения в пространстве, но тело, ощутив знакомые углубления не раз испробованного ею лежбища, сразу успокоилось, вытянулось. Через секунду Шурочка умиротворённо посапывала, словно грудной младенец в любимой крошечной колыбельке.

Герман подошёл к портрету. Долго смотрел, не мигая, не шевелясь, затаив дыхание. Хотя до завершения работы было ой как далеко, но основные черты уже прописались. Бывают такие люди, про которых при самом мимолётном взгляде можно с определённой уверенностью сказать, что он из королевской семьи. То же являла собой фигура портрета. На холсте вырисовывался вовсе не схематический иконный образ – он был довольно реален, притягивал взгляд и странным делом завораживал, словно удав гипнотизировал кролика перед завтраком.

На Германа смотрел мужчина, резкие черты лица которого отнюдь не отталкивали, а наоборот привлекали случайно взглянувшего на изображённого здесь князя нашего несовершенного мира. Присмотревшись к портрету, хотелось поговорить с ним, как с живым, и пожаловаться на какие-то случающиеся неурядицы, которых каждому хватает в этой жизни.

Герман протянул к портрету обе руки, едва не касаясь холста пальцами. Вдруг мгновенная молния проскочила от портрета к его пальцам. Даже послышался характерный треск электрического разряда. Запахло озоном. Удовлетворённо кивнув, Агеев отправился на кухню готовить завтрак для своей рабочей лошадки, которая всё ещё мирно посапывала под красносиним пледом.

Несколько месяцев напряжённой работы настолько вымотали Шуру, что она решила бросить это грязное дело или просто отложить на потом, благо, что Агеев отчёта за проделанную работу никогда не требовал. Однако просто забросить не законченную работу не получилось. Портрет звал, приказывал, заставлял, и девушка снова бралась за кисть.

В такие минуты ей становилось страшно, потому что во время работы у художницы вошло в моду разговаривать с портретом, как с живым. Потом налетал ужас! Очень уж смахивает это состояние на синдром Кандинского – Клерамбо, от которого недалеко и до «психушки». Действительно, пора к психиатру. В самый раз.

Но с другой стороны, изображённый на портрете, чуть-чуть смахивающий выражением глаз на Германа Агеева, не простой человек. Это ведь повелитель, может быть, даже ангел. Им дана сила смущать души человеческие, а кто как не Герман делает это профессионально и красиво?!

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Но неутихающее стремление к работе помогло добраться до конца сказки. Портрет был практически закончен, но об этом не знал даже Герман. Шуре надо было одной пообщаться со своей работой, чтобы понять – что же всё-таки родилось на свет Божий из-под кисти художника?

Шурочка зажгла сильный «Юпитер», который хранился у неё специально для освещения работ. С холста смотрел на девушку вовсе не урод с рогами, не страшилище из ночного кошмара, каким принято было до сих пор изображать дьявола или любого inferнального ангела. Человек на портрете, вернее аггел, имел довольно правильные черты, и чуть заметная улыбка приглашала просто поболтать. Настоящий римский патриций. Но при взгляде в его глаза становилось жутко: образ сразу же выдвигался из рамы, приближался, и уже нельзя было с уверенностью сказать: изображение ли это, либо восковая фигура, сбежавшая из музея мадам Тюссо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.